

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Б. М. ДА Н Ц И Г

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ (вторая половина XVIII в.)¹

Внешняя политика России во второй половине XVIII в. отличалась большой активностью.

«Но при всей своей классовой направленности внешняя политика царизма решала важнейшие исторические задачи, стоявшие перед Россией в данный период: закрепление на берегах Балтики, выход к Черному морю и воссоединение украинских и белорусских земель с Россией»². Настоятельная необходимость разрешения черноморской проблемы в 60-х годах XVIII в. диктовалась для господствовавшего класса прежде всего экономическими интересами.

В связи с развитием промышленности и торговли помещичье хозяйство, сохраняя феодально-крепостническую основу, все более увеличивало производство сельскохозяйственных продуктов на продажу. Резко возросла заинтересованность дворян в земле, в особенности на юге страны. Но значительная часть плодородных причерноморских степей принадлежала Турции и ее вассалу — крымскому хану.

Крымские татары из открытых степей Северного Причерноморья и Приазовья совершали частые разбойничьи набеги на Украину. Это лишало помещиков возможности планомерно осваивать прилегающие к границе территории, повышать доходность своих имений. Кроме того, отсутствие выхода к Черному морю препятствовало ведению торговли морским путем со странами Южной Европы и Ближнего Востока.

Пограничное русское и украинское население веками тер-

¹ Настоящая статья представляет собой продолжение статей, опубликованных в сборниках I (1953), II (1956) и IV (1959) «Очерков по истории русского востоковедения».

² «Очерки истории СССР». XVIII в., вторая половина. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в., М., 1956, стр. 321.

пело неисчислимым ущерб от опустошительных набегов крымских орд. Вторгаясь на территорию Украины, крымские татары грабили и разрушали все на своем пути, десятками тысяч угоняли жителей в рабство. Таким образом, веками на Юге разрушались производительные силы. Необходимо было положить конец этим разбойничьим набегам и укрепить русско-турецкую границу.

Борьба за разрешение черноморской проблемы во второй половине XVIII в. связана с двумя продолжительными русско-турецкими войнами (1768—1774 и 1787—1791); важнейшими событиями в этот период были Архипелагская экспедиция, присоединение к России Крыма, заключение мирных договоров (Кючук-Кайнарджийского — 1774 г. и Ясского — 1791 г.).

В конце XVIII в. состоялись совместные действия русской и турецкой эскадр (1798—1800) под общим командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова против наполеоновской Франции, при этом русская эскадра длительное время простояла в Стамбуле.

Все это вызывало в русском обществе огромный интерес к Ближнему Востоку, что нашло свое отражение в появлении статей, издании записок путешественников и участников военных действий, опубликовании переводной литературы, дипломатических донесениях.

В рамках настоящей статьи трудно подробно осветить все вопросы, связанные с изучением Ближнего Востока в России во второй половине XVIII в. Мы коснемся лишь некоторых из них, особо заслуживающих, на наш взгляд, внимания.

В сороковые годы XVIII в. Восток не был в центре внимания Академии наук; практически интерес к нему глохнет. После смерти Кера³ «в ней (Академии наук. — Б. Д.) ни одного азиатским языком искусного человека не осталось»⁴.

Однако о создании «Академии или общества восточных наук и языков в Империи Российской» мечтал и гениальный русский ученый М. В. Ломоносов. И. Ю. Крачковский пишет, что Ломоносову идея Кера «была близка, и, может быть, не случайно в плане помеченных им для себя работ и проектов в черновых записях Ломоносова стоит „ориентальная Академия”»⁵.

³ См. Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV.

⁴ Цит. по кн.: И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 49.

⁵ Там же, стр. 48.

Известно письмо Ломоносова И. Шувалову, написанное на тему «о размножении и сохранении российского народа». В нем Ломоносов говорит, что при разборе своих сочинений он нашел «старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общественной пользы». Среди них имеется записка «О сохранении военного искусства и храбрости во время долговременного мира. Ориентальная Академия...»⁶.

В трех проектах регламентов Академии наук и университета при ней, сохранившихся в бумагах М. В. Ломоносова, упоминается кафедра восточных языков.

П. Пекарский отмечает, что в 1764 г. Ломоносов представил проект «Новое примерное распределение и учреждение Санкт-Петербургской Академии наук», который предусматривал создание при Академии особого исторического класса с кафедрами истории, юриспруденции и восточных языков⁷.

Ломоносов писал, что «ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании своей науки, которая он профессор; но притом, чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других сродных с его профессией науках, состоящих в том же классе,... Ориентальных языков профессор искусен в древней Греческой истории и восточных народов»⁸.

Об интересе М. В. Ломоносова к Востоку свидетельствует и то, что в тетради росписи иностранных книг его рукой под № 53 записано: «Historiae Egypti compendium Abdallatifi, editum von Thomas Hunt» и далее по-русски: «О! по латине и по-арабски». Под № 55 читаем: «Caab ben Zoheir carmen pape-giricum in Laudem Muhammedis, Leidae bei Haack...»⁹.

Как показывают исследования члена-корреспондента Академии наук СССР П. Н. Беркова, эти записи включают в себя дешифрат М. В. Ломоносова на выписку тех или иных книг из-за границы для библиотеки Академии наук: М. В. Ломоносов пользовался при этом различными заграничными библиографическими пособиями¹⁰.

⁶ См. П. Пекарский, *История императорской Академии наук в Петербурге*, т. II, СПб., 1873, стр. 752, 753.

⁷ Там же, стр. 846.

⁸ П. С. Билярский, *Материалы для биографии Ломоносова*, СПб., 1865, стр. 653, 654.

⁹ П. Пекарский, *История императорской Академии наук в Петербурге*, т. II, стр. 950, 951.

¹⁰ П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова*, — в сб. «Литературное творчество М. В. Ломоносова», Исследования и материалы, М.—Л., 1962, стр. 56.

Нам представляется, что обращение Ломоносова к Абд ал-Латифу не случайно — как мы уже отмечали выше, у М. В. Ломоносова был определенный интерес к Востоку.

Любопытна фигура Абд ал-Латифа, привлекшего внимание Ломоносова. Абд ал-Латиф (Муваффах ад-Дин Абд ал-Латиф ибн Иунус ал-Багдади) — арабский ученый — естествовед, врач, биолог и географ (1162—1231).

И. Ю. Крачковский писал об Абд ал-Латифе: «Едва ли не наиболее ярко его фигура отразилась в том произведении, которое лучше всего нам известно и имеет непосредственное отношение к географической литературе, — в его небольшой книжке, посвященной Египту, которая знакома европейской науке уже с конца XVIII в.

...Его книга и теперь сохраняет значение живого человеческого документа, интересного не только с узко географической точки зрения, но важного для характеристики всей историко-социальной обстановки своего времени, не говоря уже про разнообразие затронутых в нем научных проблем. Европейская арабистика рано ознакомилась с памятником и не могла не обратить на него внимание, можно сказать, с первых шагов своего развития»¹¹.

П. Н. Берков пишет, что «История Египта» очень высоко ценилась востоковедами XVII—начала XIX в. Абд ал-Латифа «считали одним из самых великих историков Востока. „Точность его описаний и тщательность в устранении ошибок своих предшественников, — писал об Абдал-латифе французский ориенталист Жуардэн, — обнаруживают в нем человека в такой же мере высокообразованного, как и наблюдательного”». Европейским ученым „История Египта” Абдал-латифа стала известна в XVII в. и была переведена Эд. Пококом (1604—1691) на латинский язык, но перевод этот был опубликован лишь в 1800 г. Не зная о работе Покока, другой английский ориенталист Томас Хэнт (1696—1774) в 1746 г. поместил в одном из научных журналов заметку о труде египетского историка и сообщил о своем намерении издать „Историю Египта” с параллельным арабским оригиналом и своим латинским переводом. Однако книга эта в свет не вышла, хотя перевод Хэнта был доведен до конца.

«Откуда попали к Ломоносову сведения о книге Абдал-латифа, сейчас я сказать не могу, хотя надеюсь на этот вопрос дать ответ через некоторое время»¹².

¹¹ И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 343, 344.

¹² П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова*, стр. 56, 57.

* «Biographie universelle ancienne et moderne», t. I, Paris, 1811, p. 52.

Что касается второй книги, то, пишет член-корреспондент П. Н. Берков, «Сведения об этой книге Ломоносов мог получить из разных источников. В № ХС „Лейпцигских ученых ведомостей” за 1747 г. была помещена пространная рецензия на это издание, которая несомненно могла обратить на себя внимание Ломоносова, особенно тщательно следившего за критической библиографией этого журнала: Лейден. У Корнелия Хаака (Наак) напечатана: Кааб бен Зохейр. Панегирическое стихотворение в честь Магомета, и Моаллаки Амралькейза, с примечаниями и латинским переводом Левина Варнера. С приложением Арабских изречений калифа Али. По рукописям Нидерландской библиотеки издал, перевел и снабдил примечаниями Герард Иоанн Летте...»¹³. «Кроме подробной рецензии в «Лейпцигских ученых ведомостях», Ломоносову могла быть известна короткая аннотация об этой же книге в амстердамском издании парижского «*Journal des Savants*» за 1749 г.: «Эта коллекция состоит из трех маленьких поэм на арабском языке, впервые публикуемых; первая принадлежит Каабу, вторая — Амралькейзу, третью представляют „Изречения” калифа Али, расположенные в алфавитном порядке. Эти „Изречения” — иные, чем те, которые приведены в конце второго тома „Истории сарацинов” Симона Оклея. Издание этих трех поэм сопровождается латинским переводом и примечаниями, в которых издатель поместил много любопытных материалов. В конце книги находятся три указателя: авторов, упоминаемых в примечаниях; анализируемых арабских слов; древнееврейских слов из священного писания, которые благодаря рассматриваемым в данном произведении арабским словам получают новое освещение»*.

Трудно понять, почему вдруг Ломоносов обратил внимание на сборник, содержащий три произведения арабской классической литературы. Потому ли, что его вообще в это время заинтересовала почти неизвестная у нас арабская поэзия**, потому ли, что ему хотелось сопоставить панегирический род арабских стихотворений со столь близкой ему одой классицизма, — все это не больше, чем гадания. Фак-

¹³ Там же, стр. 57.

* «*Journal des Savants*», Amsterdam, 1749, mars, pp. 423—429.

** См. С. Г. Домашнев, *О стихотворстве*, — «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 242 («Стихотворство арапское»). Перепечатано в кн.: П. А. Ефремов, *Материалы для истории русской литературы*, СПб., 1867, стр. 194.

том остается то, что арабская литература занимала определенное место в круге литературных интересов Ломоносова.

Обращает на себя внимание то, что и заметка Т. Хента о предполагаемом издании перевода „Истории Египта” Абдаллатифа, и стихотворение Кааб бен Захейра относятся к 1746 г., а помечены они в списке, датированном 1763 г. Значит ли это, что Ломоносов помнил эти произведения с 1746 г. или обратил на них внимание, перелистывая старые журналы?»¹⁴

Несмотря на старания Ломоносова, его планы изучения восточных языков не были осуществлены. В открывшемся в 1755 г. Московском университете преподавание восточных языков не нашло себе места, хотя проект устава и предусматривал такую возможность¹⁵.

В царствование Екатерины II (1762—1796) были приняты некоторые меры по организации преподавания восточных языков в учебных заведениях, находившихся в местностях с населением, исповедующим мусульманство. Уже в 1759 г. была открыта гимназия в Казани. С деятельностью Казанской гимназии связано претворение в жизнь принадлежащих М. В. Ломоносову планов преподавания восточных языков¹⁶.

В 1769 г. в Казанской гимназии был основан класс татарского языка, ставший ядром будущего восточного отделения. В специальном указе Екатерины II на имя казанского губернатора Квашнина-Самарина по случаю образования класса отмечалась необходимость иметь искусных переводчиков татарского языка.

Учителем назначался толмач казанской адмиралтейской конторы Сагит Хальфин (учителем татарского языка был его сын, а также и внук)¹⁷.

Мысль о необходимости изучения татарского языка в гимназии принадлежала первому директору казанских гим-

¹⁴ П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова*, стр. 59, 60.

¹⁵ А. А. Стариков, *Восточная филология в Московском университете*, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. III, М., 1960, стр. 147—165.

¹⁶ М. Г. Беляевский, *М. В. Ломоносов и основание Московского университета*, М., 1955, стр. 128.

¹⁷ См. «Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете», — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXIX, СПб., 1843, отд. III, стр. 50, 51. Обозрение не было подписано, но автор книги «Историческая записка о 1-й Казанской гимназии» В. Владимиров (Казань, 1867) считает, что оно было написано профессором О. М. Ковалевским.

назий¹⁸ М. Веревкину, впоследствии известному переводчику Корана (с французского текста Ди Риера)¹⁹.

Практические задачи, поставленные при изучении татарского языка в Казанской гимназии, определили и характер преподавания Хальфиных, стремившихся обучить учащихся переводам с татарского на русский, с русского на татарский, а также разговорному языку. Следует отметить, что Хальфины вели преподавание успешно. «Из их школы вышли многие знатоки татарского языка, которые на разных ступенях государственной службы оправдали ожидания правительства»²⁰.

В 1778 г. была издана в Москве «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная Казанской гимназией учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная»²¹.

В 1771 г. преподавание татарского языка было введено в Академической гимназии при Московском университете и поручено учителю Арасленову²².

В Нижегородской семинарии с 1783 г. было введено преподавание языков татарского, мордовского и чувашского. В указе Екатерины II «Комиссии о учреждении народных училищ» от 24 сентября 1782 г. предписывалось ввести уроки арабского языка в народных училищах тех губерний, которые лежат «к стороне татарской, персидской и бухарской...»²³. Что касается турецкого языка, то им «менее всего занимались, несмотря на его важность для России в политическом отношении. В конце 30-х или в начале 40-х годов XVIII в. при татарско-калмыцкой школе, открытой Татищевым в Самаре, состоял ученый ахун, знавший и по-турецки. Около этого же времени, в 30-х годах XVIII в. занимался собиранием арабских и турецких рукописей адъюнкт нашей академии наук... Готлиб Фр. Вильгельм Юнкер. Об этих занятиях его

¹⁸ По указу Елизаветы (1758) в Казани были созданы две гимназии: одна для детей дворян, другая для разночинцев.

¹⁹ См. Н. А. Смирнов, *Очерки истории изучения ислама в России*, М., 1954, стр. 2.

²⁰ В. Владимиров, *Историческая записка о 1-й Казанской гимназии*, стр. 52.

²¹ А. Н. Кононов, *Из истории отечественной тюркологии*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. VI, М.—Л., 1953, стр. 269.

²² См. Шевырев, *История императорского Московского университета*, М., 1855, стр. 19.

²³ Цит. по кн.: В. В. Бартольд, *Материалы для истории факультета восточных языков*, т. 4, СПб., 1909, стр. 21, прим. 4.

мы узнаем из протокола заседания академической конференции от 19 сентября 1737 г. Там же находим известие... о том, что капуцинский пастор в Моздоке Р. Agrippin составил латинско-турецкий словарь... Позднейшая судьба названного рукописного словаря нам неизвестна»²⁴.

Первая война с Турцией (1768—1774) вызвала оживление интереса к турецкому языку. Вскоре после заключения мира в Кючук-Кайнарджи появились печатные руководства к изучению турецкого языка. Это были два разных перевода с одного и того же учебника, изданного в Константинополе И. Т. Гольдерманом на французском языке. Первый перевод вышел в Петербурге и, очевидно, имел целью удовлетворить потребность в подобном руководстве, которая ощущалась в военных кругах, о чем можно судить по титульному листу: «Турецкая грамматика или краткий и легчайший способ к изучению Турецкого языка... Переведена с французского в С. Петербурге в 1776 года при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском корпусе»²⁵.

Второй перевод, сделанный Рейнгольдом Габлицем, появился в Москве.

Небольшое число турецких слов (196) имелось в параллельном русско-турецко-персидско-гилянском глоссарии, помещенном в третьей части описания путешествия по России акад. Гмелина.

В известном «Сравнительном словаре» императрицы Екатерины II представлен был среди прочих тюркских диалектов и языков и турецкий язык²⁶. Об этом словаре В. В. Бартольд писал:

«Методы и задачи этой последней науки (т. е. языкознания. — Б. Д.) в то время и в Западной Европе еще не были установлены; при рассмотрении вопроса о родстве между собой различных языков и о происхождении человеческой речи вообще ограничивались простым сопоставлением слов, заимствованных из возможно большего числа языков, причем обращали внимание только на сходство звукового состава, не стараясь объяснить, как произошло это сходство и по каким законам совершаются переходы и перемещения звуков. Среди сборников лингвистического материала, составленных по этой системе, одно из главных мест принадлежит сборнику, составленному в России при личном участии Екатерины II и потому получившему заглавие: „Сравнительные словари всех

²⁴ С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904, стр. 437.

²⁵ Там же, стр. 438.

²⁶ Там же, стр. 439.

языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы»²⁷.

Проф. Н. А. Баскаков в своей работе «Краткий очерк истории изучения тюркских языков в России и СССР», любезно предоставленной нам до ее напечатания, пишет: «Но самым крупным и основным научным событием этого периода являлось составление и издание грандиозного по тому времени сравнительного словаря, предпринятого по указу императрицы Екатерины II, сыгравшего значительную роль в истории русского тюрковедения... По принятому в словаре порядку там были представлены следующие языки: турецкий, казанско-татарский...».

Еще до указа 1782 г. арабский язык изучали наряду с другими четырьмя азиатскими языками в астраханской школе для солдатских детей.

О преподавании арабского языка И. Ю. Крачковский писал: «Арабский язык со второй половины XVIII в. уже систематически появляется в программе общеобразовательных школ. Едва ли не раньше всего он фигурирует среди четырех „азиатских языков“ в Астрахани, ...сперва в школе для солдатских детей с 1764 г., преобразованной в народное училище в 1788 г., а затем и в гимназии в 1806 г. Можно думать, что преподавание здесь не прекращалось, так как именно с Астраханью связана первая известная нам арабская грамматика Скибиневского 1810 г., оставшаяся в рукописи»²⁸.

И. Ю. Крачковский также указал, что отмеченный выше перевод турецкой грамматики И. Б. Гольдермана, который сделал Р. Габлицль, с арабистической точки зрения очень важен «для историков типографского дела как первое у нас крупное произведение, в котором был применен в широком масштабе арабский передвижной шрифт»²⁹.

Непосредственно с арабистикой связано петербургское издание текста Корана. «Издание, повторенное за 11 лет (1787—1798), по-видимому, шесть раз, приобрело большое распространение среди европейских ученых и вызвало ряд печатных откликов...»³⁰. По отзывам специалистов Европы, арабский шрифт русской типографии был недостижимым образцом для европейской типографской техники.

Однако научное значение издания текста Корана на араб-

²⁷ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 230.

²⁸ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 51.

²⁹ Там же, стр. 52.

³⁰ Там же стр. 53.

ском языке было невелико, так как в России ученых-арабистов еще почти не было. В 1811 г. шрифт был передан в Казань.

Таким образом, мы можем считать, что в екатерининское время была сделана попытка создать серьезную школу востоковедения.

Однако, как правильно отмечает В. В. Бартольд, восточные языки в царствование Екатерины II преподавались только в школах, готовивших переводчиков³¹.

Во второй половине XVIII в. интерес к Ближнему Востоку заметно возрос. В России стали накапливаться большие нумизматические коллекции, появляются рукописные материалы.

Серьезным источником сведений о Ближнем Востоке были газеты «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». Обе газеты помещали иностранные материалы, заметки своих корреспондентов (которых они имели в ряде европейских городов), уделяли внимание странам Востока. С 1748 до 1765 г. редакцией «Санктпетербургских ведомостей» заведовал М. В. Ломоносов. По 1788 г. «Московские ведомости» с университетской типографией были взяты в аренду Н. И. Новиковым, очень оживившим газету³².

Некоторые журналы, издававшиеся Н. И. Новиковым, И. А. Крыловым, Н. М. Карамзиным, помещали статьи оригинальные и особенно переводные, в той или иной мере знакомившие читателей со странами Среднего и Ближнего Востока. Заслуживают упоминания статьи, опубликованные в научно-популярном журнале, органе Академии наук, вышедшем с 1755 по 1764 г., «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»³³, «Об остатках города Пальмиры» (январь 1755 г.) — краткое изложение содержания книги английского путешественника Вуда, посетившего развалины Пальмиры в 1750 г. («The Ruins of Palmira other wife Tadmor in the Desert», London, 1753); «Кончина турецкого султана Махмута I» (февраль 1755 г.); «Описание о происшедшей перемене в Константинополе (по случаю кончины Махмута)» (февраль 1755 г.); «Известие о житии Турец. Султ. Махмета V» (апрель 1755 г.).

³¹ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, стр. 231.

³² П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII в.*, М.—Л., 1952, стр. 112. Благодарной задачей для исследования явилось бы составление хотя бы библиографического обзора заметок по Ближнему и Среднему Востоку, помещенных в обеих газетах.

³³ За десять лет журнал трижды менял свое название.

В июньском номере за 1755 г. помещены две заметки, посвященные описанию въезда в Петербург турецкого посланника Дервиша Мехмед Эффенди и аудиенции, данной ему императрицей. Посланника сопровождал в качестве переводчика Буйдий³⁴. Любопытно, что речь императрицы переводил на турецкий язык бывший русский резидент в Иране, ученик Кера — Братищев³⁵.

В журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (июнь 1764 г.) было опубликовано семь писем в Москву «бывшего в Константинополе в 1760 г. дворянином посольства сержанта Преображенского полка М. П.».

В журнале «Праздное время, в пользу употребленное» была помещена статья «Краткое известие о коммерции между Россией и Турцией» (1759); в журнале «Парнасский щепетильник» был помещен перечень названий «Островов Архипелагских, на которых живут христиане под властью Турков» (1770).

В журнале «Пустомеля» (издавался Н. И. Новиковым)³⁶ были напечатаны «Ведомости из Константинополя» и «Гайные серальские известия».

Представляют интерес опубликованные в «Новых ежемесячных сочинениях», издававшихся при Академии наук, «Известия о двух чигиринских походах в 1677 и 1678 г. из собственноручных дневных записок быв. Российского генерала Патрика Гордона» (перевод с немецкого), помещенные в XXIX части в 1788 г., «Осада крепости Чигирин Турками в 1677—1678» (ч. XXX и др.).

Серьезный материал для изучения положения в Турции в последнем десятилетии XVIII в. печатался в «Политическом журнале». В частности, интересна серия статей «Система государственных доходов Турции». Этот журнал издавался в Гамбурге с 1790 г. Инициатором его перевода на русский язык был П. А. Сохацкий, профессор Московского университета.

В журнале «Собрание новостей», выходившем в 1775—1776 гг. в Петербурге при артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе (позже издавался при Академии наук

³⁴ О нем см. Б. М. Данциг, *Очерки по истории русского востоковедения*, т. V, стр. 24.

³⁵ Братищев — автор книги о событиях, происшедших в Персии между Шахом Надиром и Реза Кули-мирзой (о нем есть упоминание в словаре русских писателей Новикова), — см. «Материалы для истории русской литературы», СПб., 1867, стр. 14. О нем см. «Очерки по истории русского востоковедения», т. V, стр. 9.

³⁶ П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII в.*, стр. 269.

под названием «Собрание разных сочинений и новостей»), помещались статьи и заметки о Турции и Египте. В специальном разделе — «Иностранные государства» (или «Главные происшествия в разных государствах») систематически печатались сообщения о Турции. Журнал «Растущий виноград», издававшийся в 1785—1787 гг. в Петербурге при Главном народном училище, поместил в декабрьском номере за 1785 г. статью «Различные записки, касающиеся до Турок».

Журнал «Новый Санкт-Петербургский вестник» в 1786 г. опубликовал статью «О происхождении Турецкого народа и постепенном его возвращении, с показанием нравов, обычаев и воинской его силы».

Журнал «Зеркало света», издававшийся в 1786—1787 гг. Ф. Туманским, в разделе зарубежных стран помещал заметки о Турции.

Отметим также, что на страницах периодической печати второй половины XVIII в. появлялись статьи и заметки о Марокко³⁷, Египте, Сирии, Алжире.

Разнообразные тематики свидетельствовало о растущем интересе русского общества к Востоку и восточной культуре. И. Ю. Крачковский подметил это стремление к познанию Востока, говоря о развитии арабистики в тот период: «Потребность в знаниях о Востоке и арабской культуре в России той эпохи, несомненно, чувствовалась»³⁸.

* * *

Русско-турецкие войны (1768—1774 и 1787—1791) породили большую литературу военного характера. Были опубликованы «Журнал военных действий армии в 1769—1770 гг.», «Журнал военных действий российской императорской армии против турок в 1769—1771 гг.».

«Журнал в продолжение прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии» (СПб., 1792), «Краткая выпись из дневных походных записок армии войска Донского», составленных Ф. Денисовым (СПб., 1777), «Собрание разных полученных от Главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений» (СПб., 1789—1791).

Свидетельством интереса русского общества к положению в Османской империи явилось напечатание в 1778 г. на сред-

³⁷ См. Б. М. Данциг, В. И. Жиленко, *Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII века*, — «Проблемы востоковедения», М., 1959, № 1, стр. 86—93.

³⁸ И. Ю. Крачковский, *Очерки из истории русской арабистики*, стр. 54.

ства князя Потемкина-Таврического описание путешествия Василия Григоровича-Барского, широко распространенного до этого в многочисленных рукописных списках³⁹.

Позже, уже после окончания войны, появилось несколько книг, написанных ее участниками; в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» систематически помещались различные реляции и печатались сообщения, получавшиеся с мест военных действий.

В течение ряда лет, вплоть до войны 1768—1774 гг., русским резидентом в Стамбуле был А. М. Обресков. Арестованный турками в начале войны, он около года просидел в заточении в Семибашенном замке.

В составе дипломатической миссии Обрескова был Павел Артемьевич Левашов, который вместе с Обресковым находился в замке. До русских дипломатов-пленников доходили сведения о ходе военных действий.

После освобождения из тюрьмы и возвращения в Петербург Левашов опубликовал две книги, которые дают ряд любопытных сведений как об обстоятельствах ареста и нахождения русского посольства в заключении, так и о внутриполитической обстановке в Турции⁴⁰.

Левашов приводит манифест султана Мустафы, в котором султан следующим образом объясняет причины войны: «Мы указали Российскому двору, дабы он без всякого отлагательства войска свои из Польши вывел: но оный двор дерзнул сего нашего повеления не исполнить, и чрез то явно оказался преслушным: и дабы за таковое непослушание наказать его чувствительнейшим образом, мы объявили ему войну».

Заслуживает внимания сообщение Левашова о турецких интригах на Северном Кавказе, о приезде в феврале 1769 г. в Стамбул лезгинского владельца, «который как от Дивана, так и от самого султана принят был с великими почестями, поелику обещал всех лезгинцев и прочих кавказских жителей вооружить против России»⁴¹.

³⁹ Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*, стр. 12—21.

⁴⁰ «Плен и страдание россиян у турков или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым влачили их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну, и многих странных, редких и любопытных происшествий», СПб., 1790, (далее — «Плен и страдания россиян»); «Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с Турками войны от дня объявления оной по 1733 год», СПб., 1790.

⁴¹ «Плен и страдания россиян», стр. 36.

Рассказал Левашов и о том, что 15 марта 1769 г. при выносе знамени пророка в Стамбуле было убито около 200 и ранено около 500 христиан; избита была при этом и семья цесарского посланника.

Пребывание в турецкой армии во время похода дало возможность Левашову ознакомиться с ее настроениями и с бытом. Так, он пишет, что в Бендерах «Янычарский ага приказал сломать все лавки, которые было янычары поделили и сидя в них торговали разными вещами, забыв, что они пришли не для торгу, но воевать».

Описывает Левашов и некоторые посещенные им города. Так, об Андрианополе он пишет, что это город, «которой во всей Европейской Турции первейшим по Константинополе почитается, как в разсуждении величины своей, так и многолюдства; при том имеет положение весьма приятное, и почти со всех сторон окружен равными и плодоносными долинами, кроме одной высокой горы, прилегшей к оному с северо-восточной стороны, по которой простирается нарочитая часть городского строения. Протекающая подле стен его река придает ему немалую красу; дома же состоят вообще из мазанок, как и во всех прочих Турецких городах, а улицы тесны, грязны и кривы. Впрочем много тут великолепных мечетей и Ханов или гостиных дворов»⁴².

Много сведений дал Левашов об издевательствах над русскими солдатами, попавшими в плен, о жестоком обращении турок с мирным населением: «Стоя же у Бендер, насмотрелись довольно, каким варварским образом поступают турки: с попадающимися в руки их людьми. Однажды привезли захваченных ими у пределов Польской Украины бедных мужиков, баб и маленьких ребят и стали таскать всех их для продажи по городу и в поле по шатрам: плачущия матери просили, чтоб по крайней мере не разлучали их с детьми, одинакож, невзирая ни на какие их слезы, продаваемы оне были большою частию в разныя руки, и терзали от несносной горести лица свои и волосы, и билися как осужденныя на вечное страдание, причем жестокосердые зрители не являля не токмо к ним ни малейшей жалости, но смеялись и ругались еще более над ними»⁴³.

Рассказывает Левашов и о расправах, которые чинились по отношению к отдельным турецким военачальникам за неудачные операции и другие провинности. Так, был казнен великий везир Мехмет-паша за поражение под Хотинном,

⁴² Там же, стр. 53, 54.

⁴³ Там же, стр. 81.

а также молдавский господарь Калымаки и переводчик Порты Драки. Имение великого везира «было описано на султана, и после визира найдено оно в наличности несколько миллионов левков».

Неоднократно отмечаются Левашовым волнения и буйства, возникавшие по разным поводам среди янычар, бегство их из армии и грабежи населения. 20 августа он сообщает, что «отправившиеся четыре Занма для разных заготовлений умерщвлены на дороге и что разбежавшиеся в великом множестве Янычары и другие военные люди, не смея преждевременно показаться в Константинополе ниже в других местах своих обиталищ, рассеялись везде и промышляют грабежом и разбоями, отчего почти никому проезду нет»⁴⁴.

Вторая книга Левашова по сути дела ничего нового по сравнению с первой не содержит.

В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. была предпринята первая Архипелагская экспедиция с целью отвлечения части сил противника с черноморского и придунайского театров военных действий и оказания помощи грекам в их освободительной войне против турок. В результате боев в Хиосском заливе 24 июня и в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. в Чесменской бухте, покрывших немеркнувшей славой русский флот, — турецкий флот был уничтожен.

Капитан I ранга С. П. Хметевский, участник Архипелагской экспедиции, наблюдательный и образованный морской офицер, составил записки, имеющие значение не только для истории русского флота, но и для истории изучения Ближнего Востока, так как они содержат, хотя и краткие, но ценные описания островов Архипелага, входивших в состав Османской империи⁴⁵.

Его географические описания островов, хотя и кратки, но выразительны. Он замечает многое: ландшафт, занятия жителей и экономическое их положение. «Во всем Архипелаге острова и берега Романи и Анатолии каменные, имеют гористыя высокия места и не во всех местах водой довольны; пашня бывает или на низких, или между гор в долинах; сев начинается: пшеницы в октябре, ноябре и декабре месяцах, поспевают в мае в исходе; ячмень сеют не в одно время, кто ранее пашет, тот ранее и сожнет; урод оному хлебу бывает: в плодородный год пшеница в 12, ячмень в 10 раз,

⁴⁴ Там же, стр. 99.

⁴⁵ «Журнал Степана Петрова, сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770—1774 гг.», — «Современник», т. XLIX (49), 1855, стр. 37—82.

в худой урод в полы родит; в Морее же, в Анатолии и Романи, по равности и по тучности земли, родится гораздо лучше; сеют же еще бобы мелкие в декабре и в январе, поспевают в апреле; больше бобы и горох сеют в апреле, поспевают в августе. Лен по местам изрядно родится, хлопчатая бумага сеется в апреле в исходе, поспекает в сентябре: виноград, арбузы, дыни, которых весьма изобильно, поспевают в июле. Скот и птицы питаются сами собой, только в летнее время, от жары трава засыхает: дождя бывает мало или ничего, а с августа месяца по ночам бывают великие росы»⁴⁶.

Не укрылось от внимания Хметевского и бедственное положение жителей. Говоря об острове Паросе, он отмечает, что бедность жителей весьма велика: «они голы, голодны, питаются одной травой и вид их показывал одну человеческую тень...»⁴⁷.

Во время же пребывания русского флота в Архипелаге один из офицеров капитан флота, а позже бригадир М. Г. Кокцов (1745—1793) (прадед известного семитолога П. К. Кокцова), участник Чесменской битвы, посетил ряд островов и «Варварийский берег» и оставил свои записки⁴⁸, изданные Ф. Туманским. Автор пишет о своем вступлении: «Не нашел обстоятельного и верного описания о сей важной стране... решил я малое свободное время от службы, в каковой я во время славной российской войны с турками находился, употребить на собрание известий о всех островах, на которых я был лично и, видев, записывал все нужное». М. Г. Кокцов описывает острова Негропонт, Скиято, Скопело, Селидрона, Шкоро, Лемнос, Миконо, Тино, Хио; Кандия, Кипр и ряд других. Описание островов отличается точностью; отмечаются населенные пункты, порты и гавани, количество населения, крепости, уточняются существующие английские карты, коротко рассказывается история посещенных мест. Специальный раздел посвящен нравам и обычаям жителей архипелагских. Приведем (в выдержках) описание Кипра.

«Сей славный, в древности *Циприс* именованный, остров лежит в пятидесяти милях от берега Азиатической Караманской провинции и последний к Югу... Изобилует хлебом, овощными плодами, медными рудами и множеством кипа-

⁴⁶ Там же, стр. 67, 68.

⁴⁷ Там же, стр. 81.

⁴⁸ «Описание Архипелага и Варварийского берега; изъясляющее Положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами», СПб., 1786 (далее — «Описание Архипелага»).

рисных дерев, от которых и получил он имя *Киприс*, т. е. *Кипарисный*; здесь делают славные Кипрския вина, которыми жители великой производят торг... *Никосия* столичный теперь город... На Южной стороне находится другой великий город *Фамагости* с изрядною рейдою и небольшою пристанью. Теперь считается на нем около ста тысяч жителей... окруженности будет триста двадцать миль и на Южном берегу имеет выгодныя для летняго времени якорные места»⁴⁹.

Говоря о нравах и обычаях греков, Коковцов отмечает: «...жители в невежестве и бедности и с нуждою пропитание от плодов земель своих имеют. Причиною всему сему леность, непросвещение и беспорядочное Турецкое правление, не позволяющее наукам и художествам водвориться; ибо сребролюбивые начальники, тут управляющие, пресекают корыстолюбием своим все к тому способны. Островитяне, которые кажутся быть просвещеннее, обязаны сим сообщению с Европейцами, приезжающими для торговли... Сребролюбие владычествует над сердцами их гораздо превосходнее, нежели над Голландцами... В законе они (греки.— Б. Д.) суверены, к женскому полу ревнивы и подобно Туркам содержат жен своих в затворничестве»⁵⁰.

В книге Коковцова содержится немало советов мореплавателям, ценных метеорологических наблюдений.

Коковцов, понимая несовершенство существующих карт Архипелага, занимался в течение пятилетнего пребывания российского флота среди островов Архипелага составлением генеральной карты и исправлением ранее сделанных английских и голландских карт⁵¹.

Особо надлежит остановиться на двух поездках Коковцова из Ливорно в Тунис, во время которых он вел дневник.

Первый раз Коковцов отправился в Тунис 24 мая 1776 г. и 31 мая прибыл в Бизерту. На берег Коковцов съехал «во образе поверенного от купца судна нашего и рассматривал довольно порядочное положение *Бизерты*. Сей нарочито укрепленный город, в котором, однако же, строения весьма низки, принадлежит *Тунисскому* правительству; пристань онаго закрыта и довольно пространна, но по причине множества как в устье, так и в самой пристани подводных камней способна

⁴⁹ Там же, стр. 66, 67.

⁵⁰ Там же, стр. 69—71.

⁵¹ К книге приложена карта: «Изображение Архипелага против Греньедровой ландкарты, исправленное Матвеем Коковцовым». С русским и латинским текстом — в масштабе 20 градусов — 60 миль итальянских. Градусная сетка отсутствует.

оная только для входа малых судов; при входе же в пристань по обеим сторонам находятся две изрядные батареи, каждая об осьми пушках. Европейцы вывозят отсель много пшеницы, которою сии места изобилуют»⁵².

3 июня Коковцов отплыл из Бизерты и 4 прибыл на рейд Гулетты⁵³.

В Тунисе Коковцов пробыл три недели. Его поразили условия, в которых живут тунисцы: «Бедувинами называются деревенские жители; будучи невежды, живут они в крайней бедности по причине отнятия у них начальниками за самую малую цену собираемых ими плодов, чрез что земледелие у них в упадке и народ к снисканию богатства не ищет способов. Хотя Тунисская область и довольно изобильна пшеницею, разною овощью, деревянным маслом, шерстью, воском и другими произведениями, но народ оными не пользуется»⁵⁴.

Отмечая, что еще со времен римлян повелось называть местное население варварами, «чему и до днесь следуют Европейцы», он с возмущением говорит: «хотя сии народы так подлаго имени совсем не заслуживают. Правда, что они непросвещенны, но, как и все другие народы, имеют порядочное свое происхождение и обычаи. Имя Варваров прилично народу злонравному, незаконному и жестокосердому; а народы *Варварийские* вообще казались мне добронравнее и страннопримчивее многих Европейцев...»⁵⁵.

Коковцов писал, что власть находится в руках турецкой администрации; тунисцы «не занимают никаких должностей и достоинств... Природные жители, как то: Мавры, Бедувины и здешние Жиды живут в рабском невольничестве, невежестве и бедности. Хотя Тунисская область чрезмерно плодородна, однако несправедливые утеснения народа и необузданная власть непросвещенных начальников препятствуют пользоваться богатством, текущим от плодородия земли. Приобретенные тяжкими трудами плоды у подданных откупает Бей с первоналичальниками за самую низкую цену, а от перепродажи оных Христианским купцам великую себе получает прибыль, а тем самым у жителей отнимает ревность к снисканию богатства. Вот свойства правителей Варварийских, по справедливости заслуживающих имя Варваров, а не народ, который добросердечен и простодушен.

⁵² «Описание Архипелага», стр. 81.

⁵³ Там же, стр. 82, 83.

⁵⁴ Там же, стр. 87.

⁵⁵ Там же, стр. 93, 94.

Бедуины или селяне живут в крайней бедности, в скуднейших хижинах под полатками, некоторые и под тению деревьев; домостроительства у них никакого не видно; самое простое рубище едва покрывает их тело»⁵⁶.

Останавливает свое внимание Коковцов на торговле, состоянии флота.

Коковцов посетил также Сузы, Сфакс, Бардо, развалины Карфагена.

В июле 1777 г. Коковцов совершил вторую поездку. Он побывал в городах Алжире, Боне и его окрестностях⁵⁷. «Образ жизни здешних жителей, — пишет он, — подобен Тунискому; однако сии последние более страждут под игом жестокого правительства, следственно более погружены в бедность и невежество. Дома сих об одном ярусе, не имеющие никаких украшений, питаются больше ятным хлебом и овощными плодами, одеваются беднее тунисцев...

Все здешние произведения правительство отдает на откуп жидам или французским купцам, за что, взяв от них великую пошлину, позволяет отымать у жителей за самую малую цену, а сим земледельцы, будучи угнетаемы, и к земледелию не имеют охоты».

О произведениях М. Г. Коковцова И. Ю. Крачковский писал: «Основанные на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи. Во французской науке нашего времени, только теперь с ними познакомившейся, они получили высокую оценку специалистов по истории Северной Африки»⁵⁸.

М. Г. Коковцову посвящено интересное и содержательное сообщение М. О. Косвена⁵⁹. «Замечательна личность автора, — пишет Косвен. — Перед нами широко образованный человек, глубоко и вдумчиво изучающий положение, жизнь и быт народов посещаемых им стран. Книги Коковцова проникнуты свободолобием, горячим сочувствием к простому народу. Автор резко осуждает те политические условия, которые порождают отсталость и бедность народа. Описывая

⁵⁶ Там же, стр. 94, 95.

⁵⁷ См. «Достоверные известия об Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастаниях и прочем; с верным чертежем», СПб., 1787.

⁵⁸ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 56, 57.

⁵⁹ М. О. Косвен, *Первый русский африканист М. Г. Коковцов*, — «Советское востоковедение», М., 1956, № 2, стр. 91—95.

состояние населения Алжира и Туниса, Коковцов высказывает передовые, гуманные мысли...»

Описание Коковцовым стран Северной Африки столь содержательно и значительно, что он может по праву занять место первого африканиста в истории русской науки⁶⁰.

Во время пребывания русской эскадры в Архипелаге в конце 1772 г. Сирию и Палестину посетил офицер русского флота лейтенант Сергей Плещеев, оставивший свои записки⁶¹.

Русская эскадра, как известно, поддерживала восставшего против Порты египетского пашу Али-бея. В августе 1772 г. к А. Г. Орлову прибыл в качестве посла от Али-бея Зюльфагар-бей. Плещеев получил разрешение Орлова сопровождать Зюльфагар-бея, грузина по происхождению, в обратный путь. С Плещеевым отправились ротмистр Клингенау и терский казак Осип Париаманов.

Путь от Пароса до Акры продолжался семь дней. Али-бей в то время осаждал Яффу вместе со своим союзником Шех Дахир Омером. Плещеев дает подробное описание Акры (Акки).

«...Я не преминул делать примечания и осведомляться о всем надлежащем, для познания их обстоятельств градоудержания и Коммерции так, как и о прочих установлениях сего места...»⁶².

В Акре, отмечает Плещеев, 15 тыс. жителей, это резиденция Шех Дахир Омера, владельца Акры, Сайды, Сира и Хайфы, со множеством деревень, «с коих он доходы свои получает, собирая с каждого оброк, по изобилию и положению места. Иные приносят ему половину всякого приплода, другие только четвертую, или восьмую долю онаго приплода. Он отдает в наем до малейшей вещи, собирая большие деньги за позволение продажи *виноградного вина и водки*, употребление бань и прочих надобностей так, что подданные его не

⁶⁰ Там же, стр. 95.

⁶¹ «Дневные записки пугешествия из архипелагскаго, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся, с краткой историей Алибеевых завоеваний», СПб., 1773. Позже, в 1776 г., Плещеев представил в гидрографический департамент записку под названием «Известия о турецком флоте» (см. «Записки Гидрографического департамента», 1849, ч. VII, стр. 251) далее — «Дневные записки»).

Перу Плещеева, впоследствии генерала, принадлежат и другие работы, в частности «Обозрение Российския империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии», СПб., 1786. Плещеев был другом Н. И. Новикова, продолжателем начинаний Ломоносова в области географии (см. «Отечественные экономгеографы XVIII—XX вв.», М., 1957, стр. 99—103).

⁶² «Дневные записки», стр. 12.

могут пользоваться ничем, не заплатя ему требуемых для откупа денег, чрез что все продается неумеренно дорого»⁶³.

Владелец Акры, как отмечал Плещеев, располагал войском в 12 тыс. человек и несколькими военными кораблями.

Плещеев дает подробный чертеж и описание бухты Хайфы, глубину которой он измерил, а также берега от Хайфы до Яффы.

В лагере под Яффой Плещеев был принят Али-беем и Шех Дахир Омером, осмотрел войска. Плещеев и Клигенау приняли участие в военных действиях, во время которых последний был убит. Плещеев отмечает наличие в войсках Али-бея сотен невольников из Грузии, черкесов, украинцев, абазинцев и калмыков, взятых в плен крымскими татарами.

После подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора, 18 сентября 1774 г. в Стамбул из Архипелага была отправлена русская эскадра в составе четырех кораблей под командованием бригадира И. А. Борисова «для изведывания свободного проезда в Черное море через Дарданеллы и Босфор».

Сопровождавший Борисова инженерный офицер барон фон дер Пален вел «Журнал путешествия в Константинополь», в котором он описывал посещенные им места⁶⁴.

«Журнал путешествия в Константинополь» имеет значение для истории изучения русскими Ближнего Востока уже по одному тому, что автор тщательно снял планы Трои и Константинополя и тем внес новые сведения в русские исследования этих мест.

Следует отметить книгу Ф. А. Эмина «Краткое описание Оттоманской Порты».

Эмин, родившийся в Польше в 1735 г., в молодые годы попал в Турцию, несколько лет прослужил в янычарском корпусе. Из Турции ему удалось уехать в Лондон, где он явился к русскому консулу, крестился и в 1761 г. приехал в Петербург. Здесь он поступил на службу в сухопутный шляхетский кадетский корпус⁶⁵.

Ф. А. Эмин написал в России несколько сатирических произведений, романов с приключениями (первые русские авантюрно-приключенческие и нравоучительные романы). Его описание Оттоманской Порты привлекло внимание, так как написано человеком, побывавшим в ряде районов Осман-

⁶³ Там же, стр. 17, 18.

⁶⁴ «Отечественные записки», 1823, № 38.

⁶⁵ См. Н. Нозников, *Опыт исторического словаря о российских писателях в С.-Петербурге 1772 года*, — «Материалы для истории русской литературы», изд. П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 123, 124.

ской империи — Турции, Египте, возможно и в Алжире и Тунисе. Он сообщает ряд сведений географического и исторического порядка, касается происхождения и сущности мусульманской религии, быта, вооруженных сил⁶⁶.

Представляет интерес и «Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766—1776 гг.»⁶⁷.

В мае 1766 г. Игнатий из Курска отправился через Киев, Запорожскую сечь и Очаков в Стамбул, куда он прибыл в июне 1767 г. Там он прожил три недели.

В конце июля Игнатий приехал на Афон, где его и застала русско-турецкая война. Во время своего девятилетнего пребывания на Афоне он посетил Египет, Акру и Иерусалим, а также стоянку русского флота у Пароса. На родину он вернулся в августе 1776. Находясь в Саровской пустыне, Игнатий описал свое путешествие.

Царьград, пишет Игнатий, «построен на семи холмах и стоит обон пол' залива Халкидонского. И когда вступил в него, удивился красоте и великолепию его. Какая же удобна кораблями пристань, ибо приходящим кораблям со всех Белого и Черного моря...

Жилья в Цареграде построены каменны в четыре и пять покоев, улицы весьма узкие, что никак в карете можно ехать и так они более на верховых лошадях проезжают... Обыватели цареградские не имеют нужды видеть в доме своем постою, ибо для военных людей построен в Цареграде дом превеличайший в пять покоев, который вмещает более двадцати тысяч янычар... Реки в Цареграде никакой нет, а довольствуются всем жительством от Живоносного источника, проведенные трубы по всему Царюграду и у всякого дома винт и так оной водой довольствуется».

Плывя из Царьграда в Афон, отмечает Игнатий, «Константинопольским проливом, и когда миновали Дарданеллы, где у турок построены великие крепости и пушки стоят в четыре и пять рядов, где я немало подивился».

Игнатий описывает Афонскую гору: «Лежит в земле македонской, яко остров в море, окружена водой, привязана к матерой земле с одной стороны в Македонии высотой; и в длину исчисляют на сто поприщ в ширину двадцать,

⁶⁶ Мы пользовались изданием 1828 г. под названием «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», М., 1828.

⁶⁷ «Описание путешествия Отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766—1776 гг.», под ред. Б. Хитрово, — «Православный палестинский сборник», т. XII, вып. 3, СПб., 1891.

изобилующая всякими овощами, а паче виноградом и лес по всей горе непроходимый.

Какова же роду деревья состоят, при сем объявить имею, любезный читателю, а именно неплодовитые: кипарис, кедр, певга, ария, на котором дереве лист зелен на всю зиму, как на крушкие, сие дерево красное, положишь в воду, делается красное, дуб, ель, сосна и прочия. Плодовитыя деревья, каштан, дерево плод имеют подобие жолудка дубового, вкус приятный, смоквы, ягода бывает средняя прибыль Нила реки, тогда и хлебородие уменьшается. Поспевает хлеб в феврале месяце, где у нас состоит самое зимнее время».

О Египте он пишет: «Град Египет (Каир) такой великий, что вдвое более Царяграда и, сказывают, одних мечетей арабских более 20 тысяч. О многолюдстве его весьма удивился. Зимы там не бывает, и зной весьма велик...

Еще же примечанию достойно, когда Нил-река разливается, а потом убывает, засевают хлеба и бывает великое хлебородие, а егда бывает средняя прибыль Нила реки, тогда и хлебородие уменьшается. Поспевает хлеб в феврале месяце, где у нас состоит самое зимнее время».

В 1789 г. были изданы неизвестным автором «Цареградские письма», написанные, по-видимому, в 1787—1789 гг. человеком, хорошо знавшим Турцию (возможно, уже упоминавшимся Левашовым)⁶⁸.

Книга содержит 14 глав (писем): 1) о различии древних и нынешних турков; 2) о лучших зданиях в Царьграде, гостиных дворах и пр.; 3) о серале, или хареме, т. е. женохранилище; 4) о предместьях или окрестностях Царьграда; 5) об обхождении турков с послами и министрами чужестранными; 6) о любовных ухищрениях турков и турчанок; 7) о вспыльчивости турков и странном примере оной; 8) о Дарданеллах, проливах и пр.; 9) об образе жизни турков; 10) о царедворцах и ближайших султанских служителях; 11) о султанах и их важных делах; 12) о законе, языке и местах, обитаемых подвластными Турецкой Державе народами; 13) об избрании патриарха и о нынешнем состоянии греческой церкви; 14) о торжествах греков, предрассудках, дани и пр. Один перечень затронутых вопросов привлекает внимание своим разнообразием.

⁶⁸ «Цареградския письма о древних и нынешних Турках и о состоянии их войск, и Цареграде и всех окрестностях онаго...», СПб., 1789, на стр. 362 упоминается и о начале военных действий Турции против России 10 октября 1787 г.

В первой главе автор отметил состояние военных сил. «Доходы Султанские весьма посредственны в разсуждении обширности его земель, и что принадлежит до числа войска, то вместо миллиона, ни четырех сот тысяч в поле никогда не было выводимо в самое цветущее состояние Порты, да и в доброту войско ныне совсем уж не то, каково оное прежде бывало, и притом весьма своевольно и беспорядочно...»⁶⁹.

Вторая глава посвящена Царьграду. «Но сколь приятен и великолепен сей город снаружи взору представляется, так внутренность онаго нимало не соответствует его внешности, потому, что улицы весьма тесны и дома самые простые и по большей части мазанковые... Великолепнейшие тут здания суть мечети...»⁷⁰.

Глава третья рассказывает о султанском серале. «Сказывают, что сверх сорока тысяч свежих и соленых быков, расходящихся там ежегодно, подрядчики должны ставить на каждый день по 200 баранов, по 100 ягнят, по 10 телят, по 200 куриц, по 200 пар цыплят, по 100 пар голубей, по 50 гусей и по столько же индеек»⁷¹.

О Стамбуле автор пишет: «Судя о красоте места города, можно сказать, что оное есть *земной рай*; но если взять в разсуждение случающееся там в каждое лето *моровое поветрие*, частые и ужасные пожары, варварство Турков в разсуждении Християн, беспрестанную опасность от бунтов, то конечно город сей уподобляется более *аду*, нежели раю...»⁷².

Не лишены интереса рассуждения автора в отношении правосудия.

«Поелику же суд во всей Турецкой земле не предполагает в разсуждении полного самовластия Султанского никакой точно правоты, и мог бы чрез то легко ослабить свою силу и взволновать всюду народ, то правление изобрело тут средство содержать оной купно и в трепете и удовольствии, что будто единое токмо зло наказуется и сие средство состоит: 1) в совершенной противоположности выгод черни и вельмож, и допущении последним высасывать дотоле из нее кровь, пока нестерпимая боль не разпространится на все общество, в которое время удовлетворяется негодование его смертию сих пиявиц и отписанием в казну их имений; 2) в строгой и повсеместной расправе со стороны тех предметов, кои менее важны для двора, нежели для народа, а особливо в точном наблюдении предписаний законом меры и весу, за

⁶⁹ Там же, стр. 10, 11.

⁷⁰ Там же, стр. 13, 14.

⁷¹ Там же, стр. 27, 28.

⁷² Там же, стр. 42.

нарушение чего никто не избегает тяжкого телесного наказания, которое имеет столь спасительное действие, что можно за товаром, коего цена и доброта известна, и за всякими съестными припасами, посылать... пятилетнего ребенка...»⁷³.

В главе двенадцатой «О законе, языке и местах, обитаемых подвластными Турецкой Державе народами» автор перечислил подвластные Османской империи территории и языки, на которых говорят многочисленные покоренные народы: «Толикое множество земель, колы ни великую испытало перемену, чрез опустошение самых цветущих селений, прехождение и изгнание обитавших в оных народов с оной страны в другую, и иные подобные случаи; но не произвело в Законе и языках той великой превратности, какой бы ожидать должно»⁷⁴.

Говоря о литературе 80-х годов XVIII в., нельзя не упомянуть о «несчастных приключениях Василия Баранщикова...»⁷⁵. Попав по торговым делам в Копенгаген, Баранщиков в пьяном виде очутился в руках вербовщиков, которые сдали его на какой-то корабль. В июне 1781 г. он был привезен на остров Святого Фомы (Малые Антильские острова), именуемый им Санк-Томас. Здесь Баранщиков служил солдатом, но вскоре его променяли и отправили «на остров Гишпанского владения Портторико», где он пробыл полтора года в «черной работе» при кухне Гишпанского генерала. Отпущенный на свободу, Баранщиков по дороге в Геную попал в руки тунисских корсаров. Его обратили в мусульманство, и достался он капитану Магомету, который отвез его к себе в Вифлеем и сделал своим «кофишенком».

При первой попытке к бегству Баранщиков был пойман и «больно бит шамшитового дерева по пятам палками и не мог ходить более месяца, но ползал».

Вторая попытка оказалась удачной. Из Вифлеема Баранщиков попал в Яффу, побывал в Иерусалиме, вернулся обратно в Яффу и, нанявшись матросом на корабль, через Венецию приплыл в Стамбул. Здесь он был женат на турчанках. Обманув бдительность тестя и двух жен, выбрался из Стамбула, странствовал по Болгарии, был у некрасовцев и через Валахию и Польшу вернулся в Нижний Новгород после восьмилетнего отсутствия.

⁷³ Там же, стр. 127, 128.

⁷⁴ Там же, стр. 365, 366.

⁷⁵ «Несчастные приключения Василия Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год», СПб., 1787.

Изучая записки Баранщикова, нельзя не согласиться с С. А. Венгером, который писал: «Трудно предположить, чтобы „несчастные приключения“ всецело вышли из-под пера Баранщикова... наблюдения невольного путешественника не идут далее того, что едят на острове „Санкто-Томас“ и что пьют в Палестине и тому подобных вещей, но все-таки в книге встречаются словечки и сведения, видимо вставленные каким-нибудь более образованным человеком. Тоже надо думать, что не Баранщикову одному принадлежит довольно систематическое описание турецкой жизни, приложенное к 3 изданию»⁷⁶.

Н. С. Лесков называет Баранщикова вдохновенным бродягой, книжку его шантажной, отмечая вместе с тем наличие описания быта чужих стран⁷⁷.

С этими замечаниями Венгерова и Лескова, конечно, надо согласиться.

Необходимо остановиться на «Путешествии во Иерусалим Саровския Общежительные Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году»⁷⁸.

Мелетий отправился 10 августа 1793 г. из Москвы в Таганрог и оттуда морем 4 сентября выехал в Стамбул. На корабле среди прочих пассажиров находилось 15 бухарцев, ехавших на поклонение в Мекку. В «Путешествии...» мы находим описания устья Босфора: «Оба онаго берега представляют веселое зрелище гор, долин и равнин, покрытых различным лесом, одетых зеленостию и испещренными цветами, с протекающими источниками...»⁷⁹. Мелетий отмечает неприязненное отношение турок к русским: «...*Турки*, признавая нас за *Россиян*, взирали на нас свирепо; и потихоньку побранивали... Зато, естественно, по-иному относились к нам единоверцы» (очевидно, греки). «Некие посещавшие нас единоверцы много благодарили Бога, благославляющего *Россию*. Ибо-де как вода, говорили они, угашает огонь, так *Россияне* Турецкую ярость; в противном случае Христиане в *Турции* и *Греции* пропали бы»⁸⁰.

Мелетий был свидетелем въезда в Стамбул посольства М. И. Кутузова. Мелетий отметил, что турецкие власти были настроены настолько недружелюбно к русским, что запретили «подданным своим» смотреть на церемонию въезда.

⁷⁶ С. А. Венгер, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых*, т. II, СПб., 1891, стр. 123.

⁷⁷ Н. С. Лесков, Полное собрание сочинений, т. XII, 1897, стр. 247—269.

⁷⁸ «Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительные Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году» (вторым тиснением), М., 1800.

⁷⁹ Там же, стр. 9.

⁸⁰ Там же, стр. 12, 13.

Довольно подробно описав город, Мелетий пришел к такому выводу: «Впрочем Константинополя местоположение хотя и почитается лучшим в свете, но все великолепие онога помрачает внутренность, по причине скатистых неровных, кривых и тесных улиц и бродящих повсюду псов; некоторые же внизу улицы ради нечистоты и дурного запаха едва пройти можно»⁸¹.

Он указал, что вблизи ипподрома (Ак Мейдан) дома «находятся под землей, где древле было водосбиралище, выстроенные дома с мечетями и улицы. Живущие тамо определены устраивать и мотать шелк»⁸².

Описал Мелетий и торжище пленных, «где обоего полу арапы черные, грузины и другие из разных мест привозимые люди продаются».

Рассказал Мелетий о ряде островов, в частности о Крите, который «изобилует всякими древесными плодами, растущими в теплых климатах, виноградом, винами белыми и красными, деревянным маслом, хвалится своей пшеницей и хлебами из оной; много раждает хлопчатой бумаги, из коей делаются белые бязи и всякие выбойки; Кипрское мыло небольшими печатками привозят даже и в *Россию*. Недра гор наполнены минералами и красками. Скотоводство овец изрядное... Но жителей в нем против прежняго ныне весьма мало, менее ста тысяч. Все прочие, как слышно, ради тяжких податей и налогов, коими остров сей пред другими местами облагается, разошлись по иным странам. Да и находящиеся теперь низкаго состояния люди весьма бедны и достойны сожаления. Неусыпные труды их поядает Турецкая дань, и налоги. Многие из них по монастырям и Метохам работают почти из хлеба и просят у приходящих поклонников милостьню»⁸³.

В начале декабря 1793 г. Мелетий прибыл в Палестину. Здесь он обратил внимание на отношения между многочисленными национальностями, на распри, ссоры между духовенством различных христианских исповеданий.

Отметил Мелетий большой наплыв православных паломников в Иерусалим; по его подсчетам, за время его пребывания их побывало 5 тыс.

Бытовые наблюдения, сведения о торговле, ремеслах, на наш взгляд, представляют значительный интерес. Что же касается описаний святых мест, то они, бесспорно, компилятив-

⁸¹ Там же, стр. 22.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, стр. 70, 71.

ны. На это в свое время обратил внимание Н. Г. Чернышевский: «Мелетий... описывает святые места довольно подробно; но его книга — компиляция из прежних путешествий, уже бывших известными русской публике»⁸⁴.

Мы считаем необходимым остановиться на путешествиях по Востоку польского магната и украинского помещика, писателя, этнографа, историка и археолога графа Яна Потоцкого, почетного члена Петербургской Академии наук, который по праву может считаться не только польским, но и русским ученым.

В 1778—1779 гг. Потоцкий путешествовал по Италии, Сицилии, побывал на Мальте, в Испании, Тунисе, Марокко, Греции. В 1784 г. из Миргорода через Херсон и Очаков Потоцкий морем отправился в Стамбул, затем побывал в Египте, а в 1791 г. снова совершил путешествие в Марокко. Результатом этих путешествий были две книги, опубликованные им в Варшаве на французском языке, в крайне незначительном количестве экземпляров.

Первая книга⁸⁵ состоит из писем автора к его матери. В письме от 6 июня 1785 г. из Стамбула он рассказал о нравах и быте жителей этого города. Заслуживает внимания описание Каира. «Наше прибытие в Каир (23 августа 1785.— Б. Д.) не доставило приятного зрелища. Более месяца голод господствует в этом огромном городе. Он объясняется главным образом жадностью беев, экспортирующих зерно в наименее подходящий момент. Эта скверная операция тотчас же привела к увеличению цен на зерно в десять раз. Как только народ узнал об этом, он стал собираться в мечети, проклинать господ и призывать небо ниспослать чуму, дабы прекратить все эти мучения. Улицы полны стариков, женщин, голых детей, изнуренных голодом, обезображенных чудовишной худобой. Одна женщина показала мне своего ребенка, умирающего от голода; много голодных, не могущих двигаться от истощения, опирающихся на стены...

Беев собирают для себя все доходы страны, ничего не посылая в Константинополь».

Очень детально описывал Потоцкий церемонию отправления каравана в Мекку. Потоцкий был свидетелем столкновения между двумя правившими бееми — Ибрагимом и Мурадом, окончившегося победой последнего.

⁸⁴ Н. Г. Чернышевский, *Путешествия А. С. Норова*, Сочинения, М., 1949, т. II, стр. 518.

⁸⁵ «Voyage en Turquie et en Egypte, fait en l'année 1784 par Jean Potocki», second édition revue corrigée augmenté MDCCL XXXIX, Varsovie.

В 1791 г. Потоцкий совершил второе путешествие в Марокко, которому посвящена интересная книга⁸⁶, являющаяся ценным пособием по изучению жизни и быта Марокко в конце XVIII в.

В ней Потоцкий уделил много места географической характеристике посещенных им районов, экономике и политической обстановке.

«Марокканская империя представляет интерес в том отношении, что это единственный двор, сохранивший целиком арабские черты, без всякой примеси турецкого. Он в этом отношении представляется в более чистом виде, чем дворы имамов Маската и Санаа»⁸⁷.

* * *

Нам уже приходилось ранее⁸⁸ указывать на то огромное значение, которое играли в изучении Ближнего и Среднего Востока дипломатические донесения постоянных русских резидентов в Стамбуле, чрезвычайных послов, а также сообщения чиновников русских миссий и переводчиков. Во второй половине XVIII столетия Россия была представлена при султанском дворе такими блестящими дипломатами, как А. М. Обресков (1751—1768), князь Н. В. Репнин (1774—1776), Я. И. Булгаков (1761—1787), М. И. Голенищев-Кутузов (1792—1793).

В 1752 г. переводчик при русской миссии в Стамбуле Николай Буйдий⁸⁹, вернувшись в Петербург, составил «Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской порты», в котором отметил крайнее разорение турецких провинций, особенно тех, что расположены на азиатских берегах. Разорение было результатом непомерных поборов правителей.

«В защищении убо такого тиранства, — писал Н. Буйдий, — народы тех провинций принуждены свои жилища и полевое земледелие оставить, из которых народов часть для своей обороны прибегла в главные провинциальные города, а часть из многих опустошенных деревень, собравшись в единое поселение, где хотя за недостатком земледелия претерпевает глад, однакож все единодушно принявшись за оружия, противятся насилию порты Оттоманской и тем средством

⁸⁶ «Voyage dans l'Empire de Maroc fait en l'année 1791 par Jean Potocki», MDCCXCII, Varsovie.

⁸⁷ Ibid., p. 15.

⁸⁸ Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*.

⁸⁹ Буйдий служил в Стамбуле в русской миссии при А. И. Неплюеве и его преемнике А. М. Обрескове.

освободились от денежных похитительных сборов и по своему произволению отдают Порте такие подати, какие сами похотят. Не токмо в большой Азии одна за другой приняли такое средство к непослушанию, но в меньшей Азии провинции уже следуют тому же примеру. Чего ради в коротком времени не токмо государственные доходы весьма убавились, но и все те народы вовсе лишились послушания и почтения к министерству и не иное чего ожидают, как токмо случая открыты свое непослушание»⁹⁰.

Еще молодым двадцатидвухлетним юношей А. М. Обресков, впоследствии один из крупнейших русских дипломатов, в 1740 г. по окончании шляхетского корпуса был назначен в чрезвычайное посольство А. И. Румянцева в Стамбул. Изучив турецкий и греческий языки, он в течение 10 лет оставался при резидентах А. А. Вишнякове и А. И. Неплюеве, не раз выполняя ответственные поручения. В 1750 г. Обресков вернулся в Россию, но уже в 1751 гг., после смерти А. И. Неплюева, был направлен в Константинополь в качестве поверенного в делах, а затем резидента. На этом посту он оставался до войны 1768—1777 гг. Обресков был по образованию военный, числился в армии секунд-майором, но в связи с назначением на пост поверенного в делах был переведен в гражданское ведомство с чином надвornого советника⁹¹.

Как было сказано, в начале войны Обресков был заключен в Семибашенный замок вместе со всем составом русской миссии после отказа принять грубейший турецкий ультиматум. Условия заключения Обрескова в Семибашенном замке были очень тяжелыми, однако и из замка Обрескову удавалось пересылать сообщения в Петербург, в которых он описывал положение страны. Он был освобожден лишь в 1771 г.

А. М. Обресков неуклонно боролся за разрешение черноморской проблемы, и когда Петр III в угоду Фридриху II решил заключить союз с Турцией против Австрии, то Обресков воздержался от выполнения его инструкции, что впоследствии было одобрено Екатериной II.

Обресков сыграл крупную роль в подготовке Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Он принял участие в переговорах в Фокшанах в качестве второго посла, а также в работе конгресса в Бухаресте. Хотя эти конгрессы не привели

⁹⁰ Цит. по ст.: А. С. Тверитинова, *К истории русско-турецких отношений в Елизаветинское время*, — «Советское востоковедение», т. VI, М.—Л., 1949, стр. 320; см. также Б. М. Дашиг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*, стр. 24.

⁹¹ Архив князя Воронцова, кн. VII, 1875, стр. 289.

к заключению мира с Турцией, но ряд зафиксированных уступок со стороны Турции, которых добился А. М. Обресков, нашел свое отражение в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г.⁹²

Одной из важнейших задач, ставившихся перед Обресковым, было заключение договора о торговом мореплавании. В рассматриваемый период этот вопрос имел весьма серьезное значение для России. Однако добиться заключения такого договора Обрескову не удалось.

В своей секретной реляции в Петербург от 8 апреля 1757 г. он писал по поводу трудностей, связанных с подписанием соглашения о мореплавании по Черному морю: «...понеже сие дело есть самокрайней нежности... но оная важность и нежность сего пункта только иначе усугубляется, когда примется в рассуждение предупреждение Порты против кораблеплавания всех наций в Черном море, которое предупреждение (т. е. предубеждение. — Б. Д.) превосходит все то, еже себе представить можно»⁹³.

В другой реляции (от 8 мая того же года) Обресков сообщает: «Однако же я сими трудностями в уныние не прихожу, но неусыпно стараюсь приобрести себе какую знатную особу... вспомогателем, хотя сие також не без великой трудности»⁹⁴.

В связи с открытием на Дону (Темерник) купеческой вольной компании для торговли с Турцией, которой по сенатскому указу от 17 февраля 1757 г. предоставлялись монопольные права, Обресков рекомендовал не ущемлять прав турецких купцов, поскольку это противоречит существующему с Турцией договору.

Обресков сообщал в государственную коммерц-коллегию свое мнение о предпринимаемых последней мерах по развитию русско-турецкой торговли и о посылке в Стамбул купца Алексея Антонова: «но сколько сие крайнее и похвалы предостойное старание мне удовольствия, то толикож искреннего сожаления доставило, видя, что оное в действо производится в такое время, что со здешней стороны не только взаимного споспешествования ожидать не можно...»⁹⁵.

⁹² См. «Сборник императорского Русского исторического общества», СПб., 1885, т. 48, стр. 31—34; Е. И. Дружинина, *Русский дипломат А. М. Обресков*, — «Исторические записки», АН СССР, 1952, стр. 267, 268; Е. И. Дружинина, *Кючук-Кайнарджийский мир*, М., 1955.

⁹³ Цит. по: В. А. Уляницкий, *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке*, М., 1883, Приложение 16.

⁹⁴ Там же, стр. II.

⁹⁵ Там же, стр. XII.

Хорошо зная обстановку в Турции, Обресков изложил главному командиру Новороссийской губернии Мельгунову свои соображения по поводу намерения коммерц-коллегии открыть купеческие конторы в Царьграде, Килии, Белгороде, Очакове и Яссах. Он указал, что «здесьнее правление ни мало не печется о благосостоянии подданных и отнюдь не думает о распространении коммерции, но паче каждый начальник по сродной сей нации страсти к сребролюбию при каждом случае купечество пригнетает всякими вымышлениями, изнуряет и истощает, да по свойству правления здешнего инаково и быть не может, потому что чины даются на время и каждый, приобретший оной, старается каким бы то образом ни было наиболее покорыстоваться»⁹⁶.

А. М. Обресков представил особую записку (мнение)⁹⁷ «о распоряжениях, могущих послужить к порядочному и полезному производству коммерции с турецкою империею и другими областями в Архипелаге и по берегам Адриатического и Средиземного морей, лежащих чрез посредство Черного моря». В ней он предлагал послать в Стамбул на выучку в три крупных торговых дома (английский Георгия Аббота, саксонский Гипша и голландский Бормана) шесть молодых купеческих или мещанских детей «робят лет от пятнадцати до восемнадцати, по летам их умненьких, остреньких, видом показывающих добронравие и не весьма гнусное воспитание имеющих и послать их к помянутым трем комиссионерам с платою за них, как то все иностранные платят за содержание пристойнаго пенсиону, у которых они живучи, чрез вседневные примеры научатся добропорядочнаго поведения, иностранным языкам, а в конторах их исправление коммерции по всем правилам наблюдаемым между всеми Европейскими купцами; на что им времени довольно будет шести лет, по истечении которых сами домами и конторами управлять возмогут... одним словом, они заступят место иностранных комиссионеров...»⁹⁸.

Прекрасно изучив обстановку на месте, он в 1756 г. сообщил в Петербург о своем разговоре с переводчиком Парты по поводу преследования турками черногорцев: переводчик высказал свои наблюдения над современным положением Оттоманской империи, заметив, что лучший способ к ослаблению турок — это не подавать им повода к войне: «хотя бы война была для них несчастна, однако военный дух, кото-

⁹⁶ Там же, стр. XXIX.

⁹⁷ Там же, стр. 470.

⁹⁸ Там же, стр. 477.

рый служит основанием этой сильной империи, возбудится и придут Турки в прежнюю ярость и свирепство; тогда как, живя в настоящей тишине и безопасности, год от году ослабевают, потому что управление у них самое оплошное и слабое, нет ни порядка, ни надлежащего послушания.. О Турции нельзя судить по европейским державам, которые обыкновенно в войне разоряются, а в мире оправляются и усиливаются; у Турок диаметрально противоположное: они в войне оживляются, а в мире ослабевают, потому что начало и основание их есть оружие; выпустя его из рук, они не знают, за что ухватиться, и бьются, как рыба на земле»⁹⁹. С этими рассуждениями согласился и Обресков, ставивший своей задачей не допустить войны Турции с Россией в период семилетней войны (1756—1763). Турция же под давлением английской и прусской дипломатии всячески искала предлога для войны.

Сохранению Турцией нейтралитета во время семилетней войны немало способствовало принятое в Петербурге по совету Обрескова решение прекратить строительство крепости св. Елизаветы (будущий Елизаветград).

Прожив почти всю жизнь за границей, вдали от Родины, Обресков оставался глубоко русским человеком. В своих реляциях, написанных исключительно на русском языке, он дал широкую картину жизни Турции, положения ее населения, состояния вооруженных сил, финансов, положения национальных меньшинств.

Ценным источником для изучения внутривосточного положения Турции и русско-турецких отношений после окончания войны 1768—1774 гг. являются донесения князя Н. В. Репнина. Николай Васильевич Репнин был направлен в Турцию в качестве чрезвычайного и полномочного посла для окончательного улаживания дел с турками по проведению в жизнь Кючук-Кайнарджийского договора. В то время генерал-аншеф, а позже генерал-фельдмаршал, участник знаменитых боев под Ларгой, Рябой Могилой, Репнин непосредственно принимал участие в выработке условий этого договора.

Размен посольств князя Репнина и турецкого паши Абдул Керима, беглербея¹⁰⁰ Румелийского, произошел 2 июля 1775 г. под Хотинском на р. Днестре на специально построенном судне.

⁹⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, СПб., изд. III, кн. 5, стр. 959.

¹⁰⁰ Беглербей, беглер бег, бейлер бей — титул некоторых наместников турецких провинций.

Из Хотина русское посольство, в составе которого насчитывалось около 700 человек вместе с охраной, прибыло в Стамбул (через Молдавию, Валахию, Болгарию и Румелию) 30 октября 1775 г.

До нас дошло описание путешествия русского посольства, в котором рассказывается, «какие встречи и почести ему, Послу, деланы были в знатных городах и местечках, на том пути его лежавших, и каким образом он, Посол, в те города и в реченную Турецкую столицу въезд свой имел, а потом на визите у Верховного визиря и на аудиенции у султана был»¹⁰¹.

Описание дает много любопытных материалов, касающихся сложного церемониала встречи послов, размена посольств, приемов, обедов, но весьма бедно сведениями географического, экономического и бытового характера. Лишь изредка встречаются подобные записи.

Опубликованные письма и реляции Н. В. Репнина характеризуют обстановку в стране, попытки Порты изменить некоторые статьи Кючук-Кайнарджийского договора, в частности касающиеся Крыма.

Первоочередной задачей внешней политики России после первой войны с Турцией было утверждение в Северном Причерноморье, свободное плавание по Черному морю, укрепление позиций на Кавказе. В 1783 г. произошло окончательное включение Крыма в состав России, что в конечном счете и привело ко второй войне между Россией и Турцией.

После подписания Кючук-Кайнарджийского договора в Турции в качестве поверенного в делах был полковник Христофор Иванович Петерсон¹⁰². Его донесения графу П. А. Румянцеву-Задунайскому и журнал, который он вел, будучи приставом при турецких послахах во время заключения договора, представляют значительный интерес¹⁰³.

Петерсона сменил А. Стахив, который пробыл в Константинополе с 12 февраля 1776 г. до 9 декабря 1779 г. Это были годы, когда турецкое правительство всячески тормозило выполнение Кючук-Кайнарджийского договора. Именно Стахив добился разрешения свободного плавания русских судов по Черному морю и много содействовал подготовке

¹⁰¹ «Русское посольство в Константинополе 1776 года», СПб., 1777.

¹⁰² «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 2. Из архива Румянцева-Задунайского, ч. II, отд. 2, Задунайского.

¹⁰³ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 2. Из архива Румянцева-Задунайского, ч. II, отд. 2, стр. 314—330.

присоединения Крыма к России. Он подписал 21 марта 1779 г. в султанском дворце Айналы-Кавак в Стамбуле русско-турецкую конвенцию, явившуюся дальнейшим развитием Кючук-Кайнарджийского договора.

Стахиев систематически посылал в Петербург сведения о внутривосточном положении страны.

В своих донесениях он обращает внимание на многие происходившие в те годы события в Турции. Так, он информирует о столкновениях на границах Курдистана, происшедших между турками и персами, в результате которых турки понесли поражение, о вспыхнувшей в Стамбуле эпидемии «моровой язвы» и эпизоотии, отразившейся на торговле мясом. Свирепствовавшая в 1778 г. эпидемия чумы была подлинным народным бедствием. Ежедневно умирало в Константинополе до полутора тысяч человек, а всего, по подсчетам Стахиева, чума унесла более 250 тыс. человек. Весьма многочисленные донесения Стахиева о возмущениях бунтах в Каире, о междоусобной борьбе в Албании, Румелии свидетельствуют о глубоком знании им политической обстановки в Турции. Стахиев в 1785 г. по предложению княгини Е. Р. Дашковой был избран членом Российской академии. В течение примерно двух лет он секретарь Вольно-экономического общества.

В 1781 г. Стахиева сменил Я. И. Булгаков, неплохо знакомый ранее с турецкими делами (он сопровождал князя Репнина в качестве маршала посольства). На посту посланника он пробыл до конца 1787 г. (когда был посажен турками в Семибашенный замок, где находился до 24 октября 1789 г.).

Одной из важнейших заслуг Булгакова было подписание с Турцией в 1783 г. торгового трактата и подписание в том же году акта о согласии Турции на присоединение к России Крыма (провозглашенного манифестом Екатерины 19 апреля 1783 г.).

Оценивая деятельность Булгакова, Потемкин писал: «Ваша (Булгакова.— Б. Д.) твердость, деятельность и ум отвратили войну. Турки были бы побеждены, но русская кровь также бы потекла».

Дипломатические донесения Булгакова содержат много ценного материала, характеризующего внутривосточное положение Турции. Особого внимания заслуживают его многочисленные записки (журналы) ¹⁰⁴.

¹⁰⁴ См. Н. Дубровин, *Присоединение Крыма к России*, СПб., 1899. т. IV, стр. 180 и сл.

В журнале «Константинопольских происшествий и новизн» за ноябрь 1781 г. он сообщает о «замешательствах» в Аравии: «По всему городу слух разнесся, что мединские старшины выгнали из Медины всех Портою Оттоманскою определенных начальников и, выбрав между собой предводителей, возмутили арабов напасть на караван, имеющий возвратиться из Мекки... Замешательства и действительно там не малы. Причина оным есть следующая: бывший во время Али-бея мекским шерлером, Абдулаг, опасаясь нынешнего шерифа Месуда, бежал в Константинополь. Порта, не имея способа укрощать в той стране бунтовщиков, обыкновенно признает того законным шерлером, который усилясь прежнего выгонит, хотя бы он в свое время равномерным образом и признан был; вследствие сей системы признала она помянутого Месуда...

Абдулаг... прибегнул к одному весьма сильному поколению арабов, называемому Ваим. Возмутья же его и набрав многочисленное скопище из всяких тамошних бродяг, намерен добиваться до шерифства»¹⁰⁵.

В начале января 1782 г. Булгаков отправил в Петербург копию ставшего ему известным через константинопольского патриарха султанского указа — хатти шериф, который запрещал дважды взимать один и тот же налог. Однако, сообщает Булгаков, этот фирман постоянно нарушался, «но бедные подданные отчаяны в жизни своей от непрерывных обид, грабительств и мучений, с одной стороны от губернаторов, а с другой — в отсутствие их, от муселлимов, старшин и других начальников, и что в Виддине и Никополе от находящихся подданных берут вдвое и более сверх определенной подати...»¹⁰⁶.

Булгаков доносил, что указ издан с целью прекращения волнений, но «несмотря на добрые намерения государя, все обращается во вред, то и сей указ вместо пользы принесет только вящее разорение жителям... вся польза для бедных жителей в том только замыкается, что ежели найдут они случай принести просьбу на своих начальников, могут сослаться на указ, запрещающий их угнетать; в силу которого начальник, когда уже набогатился, лишается места, имения, а часто головы; но обиженный кроме удовольствия мщения... иной пользы не получает».

Подобные высказывания Булгакова свидетельствуют о прекрасном знании им истинного состояния дел в Турции и о тонком понимании происходящих событий.

¹⁰⁵ Там же, стр. 358

¹⁰⁶ Там же, стр. 376.

Сообщает Булгаков о междоусобицах в отдельных частях империи (Паяс, Айдын, Диярбакыр, Сивас, Эрзрум). Характеризуя финансовое положение в марте 1782 г., он писал: «За недостатком в казне денег на раздачу жалованья на приближающуюся четверть года здешним военным людям, казначей старается продать харачную подать на будущий 1197 год, хотя еще и трех месяцев не прошло 1196 года. Несмотря на все сие, султан, предавшийся сластолюбию, издерживает великие суммы на сераль, делая вместо серебряной золотую столовую посуду и множество уборов из драгоценных камней»¹⁰⁷.

Характеризуя султана (речь идет об Абдул Хамиде), Булгаков отмечает: «В народе негодуют на султана, видя его слабости и почитая неспособным к правлению...»¹⁰⁸ «Султана беспрестанно по домам знатных турок поносят, называя его человеком вдавшимся в сладострастия и к правлению неспособным»¹⁰⁹.

В его записях мы находим характеристику роли духовенства: «...здесь, как и во всем востоке, в старину духовенство забрало в свои руки должности попов, судей и лекарей, дабы управлять жизнью, именем и совестью всех людей»¹¹⁰.

Булгаков отмечает, что в Турции широко распространено взяточничество. Рассказывает о попытке борьбы с ним. Так, один сановник был выслан за то, что он «корыстовался взятками с посылаемых в разные места по разным комиссиям мубаширов». Булгаков иронизирует: «Причина, по которой бы Константинополь раз в степь превратиться, ежели б по сей справедливости разобрано было поведение каждого чиновника и обывателя»¹¹¹.

Империя бедна, бессильна и оподлена, писал Я. И. Булгаков Екатерине II 12 сентября 1782 г.¹¹².

Даже из этих немногочисленных высказываний Булгакова можно судить о широте освещения им происходивших в Турции событий.

Находясь в заключении, Булгаков перевел на русский язык многотомное сочинение аббата Деля Порта, позже напечатанное в Петербурге под заглавием «Всемирный путешественник». Несмотря на строгость надзора, Булгаков находил

¹⁰⁷ Там же, стр. 414, 415.

¹⁰⁸ Там же, стр. 566.

¹⁰⁹ Там же, стр. 788.

¹¹⁰ Там же, стр. 887.

¹¹¹ Там же, стр. 915.

¹¹² См. «Сборник Императорского Русского исторического общества», т. 47, СПб., 1885, стр. 40.

пути отправлять письма Потемкину, канцлеру Безбородко и Екатерине II, осведомляя их о положении Турции.

Вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг. закончилась подписанием Ясского мирного договора, решившего жизненно важные для России вопросы безопасности южных границ и обеспечившего свободу русской черноморской торговли.

Для разрешения на месте ряда важнейших вопросов, вытекавших из Ясского договора, в Турцию в качестве чрезвычайного посла был направлен Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Это была не первая его дипломатическая миссия.

«Кутузов искусно разрешил в пользу России ряд важнейших вопросов, вытекавших из Ясского мирного договора, кроме того он добился ограничения враждебного России влияния Англии и Франции на внешнюю политику Турции и одновременно способствовал усилению влияния и авторитета русской державы. Будучи в Турции, Кутузов тщательно изучал ее экономическое и политическое положение и его донесения свидетельствуют о глубоком знании им этой страны»¹¹³.

В рескрипте на имя М. И. Кутузова Екатерина II писала 17 февраля 1793 г.: «В определении Вас к торжественному в Константинополе посольству... имели мы и то уважение, что Вы по искусству Вашему в ремесле военном не упустите сделать все те наблюдения, кои в свое время для нас полезны и нужны быть могут о положении мест, о дорогах, о населенных, укреплениях, расположении войск, запасах военных и о всем к воинской части сухопутной и морской принадлежащем. Для сего в самой свите Вашей положены члены инженерного, генерального штаба и морского департамента».

Об этом посольстве до нас дошло несколько описаний, а также материалов, принадлежащих перу М. И. Кутузова. В первую очередь отметим «Подробное описание пути чрезвычайного и полномочного российского императорского посольства, после Ясского мира, от Рущука через Шумлу в Константинополь, в 1793 г.»¹¹⁴.

Дорога от Рущука до Константинополя была весьма внимательно изучена. Спустя сто лет проф. Осокин писал: «Мы старались тщательно проверить названия мест, указанных в рукописи, по последним подробным картам Балканского полуострова... и только в двух-трех местах заметили необходимость исправлений».

¹¹³ М. И. Кутузов, Документы, т. I под ред. Л. Бескровного, М., 1950, Введение, стр. XI.

¹¹⁴ «Русская старина», СПб., 1878, стр. 103—124.

В работе имеются сведения о 24 переходах, отмечаются расстояния между населенными пунктами, указывается возможность удовлетворения войск хлебом, фуражом, скотом и водой.

Опытный наблюдатель М. И. Кутузов уже в дороге пришел к твердому убеждению, что в ближайшее время Турция не в состоянии вести новую войну с Россией и не собирается этого делать. Он не соглашается с оценкой положения, данной поверенным в делах А. С. Хвостовым, опасавшимся открытия турками военных действий; 21 августа 1793 г. Кутузов пишет Екатерине II: «Удален еще будучи от столицы Оттоманской, не могу утверждать, ниже отрицать справедливость сих слухов... но переправясь через Дунай и миновав уже Разгард, не примечаю я, имея все на то способы, ни малейшего в народе беспокойства, напротив, теплое желание к миру. Строение некоторых магазейнов, каковое я видел в Рушукке, для складки впредь провианта, не есть непременною знаком скоро быть имеющей войны; строение Бендер и Измаила не скоро дойдет до оборонительного состояния и сего одного довольно кажется, чтобы удержать Порту»¹¹⁵.

Прибыв в Константинополь 26 сентября 1793 г.), М. И. Кутузов сообщил Екатерине II свои первые впечатления о турецкой армии, внутреннем положении страны, о реформах султана Селима III: «По поводу вводимых здесь в войсках новых учреждений начинают все благоразумные о успехах сомневаться. Министерство принялось было с начала за оные весьма ревностно, но горячность его ныне умягчается. По артиллерии положено содержать пять тысяч человек, набрано около тысячи и сие число не умножается, ибо на место вновь записывающихся столько же разбегается. Корпусы бомбардиров, минеров... в большом числе состоящие, содержаться могут удобнее, ибо им положены тимары или земли во владение. Бостанжиев, обучающихся регулярной тактике, находится числом до 500 человек, а предполагают их иметь на первый случай только до 2000... Сии новости, еще столь малоуспешные, производят, однако же, не малый ропот в старом корпусе янычар, из которых еще ни один в новые войска не записался, несмотря на все прельщения, от Порты делаемые»¹¹⁶.

Далее М. И. Кутузов отмечает: «Сколь незначущие успехи в удобрении войск, столь напротив внимания достойно попечение Порты о собрании казны всякими образами.

¹¹⁵ Там же, стр. 226.

¹¹⁶ Там же, стр. 237.

Все монополии в руках правительства, одно продовольствие столицы хлебом приносит, сказывают, ежедневно двадцать тысяч пиастров, все маликьяне¹¹⁷ отняты, и люди, ими пользующиеся, приведены в нищету: легко себе представить можно, сколько таковые операции должны произвести ропоту»¹¹⁸.

Все это писалось за много лет до бунта, в результате которого Селим III был свергнут. Одной из причин бунта были дополнительные налоги, введенные султаном.

В том же донесении М. И. Кутузов сообщает о мероприятиях по строительству крепостей, подчеркивая: «но всего более заботится Порта укреплением рейда Чингане Килесы. Сие место на Черном море, неподалеку от пролива Константинопольского на Румельском берегу, расстоянием от столицы около пятидесяти верст, оно удобно для десанту. Всему буду иметь верные чертежи и с промерами...».

Анализируя положение армии и флота, внутреннее положение страны (мятежи, расстройство финансов), М. И. Кутузов вновь приходит к убеждению, что несмотря на производившиеся Турцией военные приготовления и возникшие слухи о новой войне с Россией, Турция к войне не готова. Он писал А. В. Суворову 5 января 1794 г.: «Господин генеральный консул Северин доносит мне, что он уведомил Ваше сиятельство, будто бы Порта намерена через три месяца объявить России войну. Я должностью служения своего поставляю предупредить Вас, милостивого государя, что по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся ее крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот ее еще не силен; предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще всего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи, часть Аравии, Большая Румелия и окрестности Требизонда довольно занимают непокорностью своею Порту. Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее пагубной крайности»¹¹⁹.

О том же пишет он и Н. С. Мордвинову: «Колелемая внутренними мятежами, не снабдясь еще достаточным числом казны, не починив совершенно пограничные крепости, не усилив свой флот... имея дороговизну в столице, полагаю по всем

¹¹⁷ Маликьяне — право взимания налогов с крестьян; оно предоставлялось пожизненно и передавалось по наследству. Также — именование; здесь, очевидно, идет речь о праве взимания налогов.

¹¹⁸ Там же, стр. 237.

¹¹⁹ Там же, стр. 289, 296.

упомянутым причинам, что Порта не решится на скорый разрыв»¹²⁰.

Письма и донесения М. И. Кутузова не лишены поэтической жилки и художественного вкуса. Вот, например, что он пишет о Константинополе жене своей Е. И. Кутузовой 4 октября 1793 г.: «Константинополь вот что: видя турецкие города, между прочим и Адрианополь, подумаешь иметь воображение об Константинополе; но ошибешься. Здесь строят, особливо в Фанаре и Пере, так мудроно и смешно, что превосходит воображение. Улицы шириною с лосолев кабинет. Дома превысокие, множество окон, и балконы сходятся в верхних этажах вместе. Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками, которых, конечно, всякое время глазами увидишь тысячу, Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фонари, Галета, Пера, прекрасной пролив Константинопольской, называемый древними Босфор Фракийской; за ним предместье Скутари в Азии: в нем 200 000 жителей... и множество других мест, — все это видно вокруг. Сии чудеса увидя, не рассмеешься, а заплачешь от чувства нежности»¹²¹.

Описывая жене обед у капудан-паши Кючук-Хюссейна, М. И. Кутузов пишет: «что бы тебе дать об великолепии азияком понятие, надобно сказать об обеде капитан-паши: он молодой человек, фаворит султанской, женат на его сестре, великолепен, мот, три миллиона (пиастров) должен; учтив и любезен. Мебель и платье на людях все новое было, слуг до тысячи в парче, ковры малиновые, бархатные, золотом шитые, софы с жемчугом; на ближних слугах очень много бриллиантов. Между многих забав был жирит, то есть скачка на лошадях. Все лошади его конюшни, которая, конечно, первая в свете»¹²².

В реляции Екатерине II от 20 декабря 1793 г. Кутузов сообщает о возникших в различных местах империи мятежах: «Неприятные известия, полученные с разных сторон о внутреннем беспокойствах, затрудняют наиболее и препятствуют утвердить какое-либо мнение по делу тарифа. Мятующийся в Аравии Абдул-Вегаб усиливается от часу более, и страшается уже, чтобы некоторые недовольные из египецких беев не признали его калифом и не подали пагубного приме-

¹²⁰ Там же, стр. 291.

¹²¹ Там же, стр. 231, 232.

¹²² Там же, стр. 270.

ра державам барбаресским. Магмуд-паша skutарский разбил наголову Валисия румелийского, бывшего противу его в двадцати тысячах, сие весьма встревожило султана и выдан указ обратить на сего мятежника все внимание. Мятеж около Трапезунта не усмирен, и знатная часть Румелии наполнена разбойниками; пред которыми силы силистрийского паша недостаточны»¹²³.

Спустя месяц Кутузов снова касается событий в Аравии: «Порта занята была поныне заботой о мятежнике в Аравии Абдул-Вегабе, которого правила, разрушающе богослужение магометанское и как бы якобинца, среди Аравии возникшего, должны, кажется, тревожить ревностных мусульманов, из которых многим и внушение о сем сделано»¹²⁴. «Недовольство по причине тяжких налогов, коим виновника считают Юсуфагу, директора монетного, возрастает ежечасно. Повседневно находят письма, бросаемые в мечетях и других публичных местах, означающие гнев народа»¹²⁵.

Подытоживая свои наблюдения о состоянии дел в Турции, М. И. Кутузов в своем письме от 15 марта 1794 г. на имя В. П. Кочубея, назначенного посланником в Турции, писал перед своим отъездом из Стамбула:

«Непомерные налоги, по притчине которых огорчение в народе ежечасно умножается, явный ропот и беспокойство во всей Румелии и других местах, которые единое неудовольствие народа притчиной имеют, суть доказательства сколь противна форма правления народу и образ собирания податей. Чернь вообще вину слагает на Юсуфагу, управляющего всеми податями, вновь изобретенными. Духовенство не менее черни озлоблено, ведая желание его приобщить к своему департаменту и управление доходами мечетей... Кроме сказанных мной беспокойств в Румелии, бунт skutарского Магмуд-паша, который столь усилился, что Порта неоднократно уже предлагала ему договоры, на которые он не соглашается. С другой стороны, мятеж Абул-Вегаба в Аравии не может не беспокоить Порту. Все сии несчастья недовольными относятся на настоящий образ правления... Все сие предвещает скорую перемену министерства»¹²⁶.

Во время пребывания М. И. Кутузова в Турции сотрудниками его посольства были составлены карты, которые, по мнению современников, были отлично сделаны. Так, Ф. Ро-

¹²³ Там же, стр. 275, 276.

¹²⁴ Там же, стр. 298 (речь идет о движении ваххабитов).

¹²⁵ Там же, стр. 320.

¹²⁶ Там же, стр. 324.

стопчин в своем письме к С. Р. Воронцову в декабре 1795 г. писал: «некий Волан, сопровождавший Кутузова, привез прекрасные планы».

На смену М. И. Кутузову в Стамбул прибыл в феврале 1794 г. князь Виктор Павлович Кочубей.

За время четырехлетнего пребывания в Турции В. П. Кочубей составил несколько записок о финансах Турции и ее торговле с Россией¹²⁷.

Известные нам многочисленные письма и записки Кочубея (в будущем вице-канцлера внутренних дел) рисуют его как дипломата, хорошо знакомого с турецкими делами¹²⁸.

Из его донесений о внутривосточном положении Турции отметим сообщения о брожении в Молдавии и Валахии, а также о действиях Видинского пашы Посвандоглу¹²⁹.

Много внимания уделял Кочубей торговым делам. «При дворе султана Селима III, с которым часто беседовал, приобрел его доверие и доставил нашей торговле выгоды, распространением ее по Греции и смежным с ней восточным странам»¹³⁰.

В бумагах Кочубея сохранилось несколько записок о финансах Турции, о торговых ее связях и обширная переписка с консулом Фонтоном, касающаяся преимущественно коммерческих интересов России в Турции¹³¹.

Из письма на имя графа С. Р. Воронцова от 10 февраля 1797 г. известно, что Кочубей направил брату адресата, графу А. Р. Воронцову, рукопись, озаглавленную им «Сокращенное исследование о состоянии Оттоманской империи». «Я старался, — писал он, — собрать сколько можно вернейшие обо всем сведения»¹³². Эта работа, как и упомянутые выше материалы о финансах Турции, насколько нам известно, опубликованы не были.

После Кочубея с 1798 по 1802 г. посланником в Турции был Василий Степанович Тамара, с именем которого связано подписание 23 декабря 1798 г. русско-турецкого, так называемого Константинопольского союзного договора, явившегося следствием агрессии Наполеона в Египет. Турция приняла помощь, предложенную ей Россией: русская эскадра под командованием прославленного адмирала Ушакова во-

¹²⁷ См. Архив князя Воронцова, кн. VIII, М., 1876, стр. 8.

¹²⁸ См. Архив князя Воронцова, кн. XIV, стр. 28—95.

¹²⁹ Там же, стр. 28—95; кн. 18, стр. 79—138.

¹³⁰ А. Терещенко, *Опыт обозрения жизни сановников*, ч. II, СПб., 1837, стр. 277.

¹³¹ См. «Русский Биографический словарь», СПб., 1903, стр. 368, 369.

¹³² Архив князя Воронцова, кн. XVIII, стр. 131.

шла в Босфор. Под командование Ушакова поступил и турецкий флот.

О походе Ушакова один из его офицеров, Егор Павлович Метакса, позже участвовавший в экспедиции Сенявина, оставил записки-мемуары, представляющие значительный интерес для историков, географов и этнографов.

Метакса, родом грек с острова Кандии, в числе многочисленных греческих выходцев был принят в 1785 г. в петербургский морской корпус, который окончил в 1790 г. Служил на Черноморском флоте, участвовал в сражениях при Калиакрии, а позже, в 1798 г., в экспедиции Ушакова, как знающий турецкий язык. Записки Метаксы, хранившиеся с 1863 г. в Отделе рукописей Публичной библиотеки в Петрограде, были изданы лишь в 1915 г. К ним приложены документы. Записки состоят из 15 глав; четыре из них посвящены описанию дипломатических поездок (в октябре 1798 г. и в январе 1799 г.) на албанский берег к Али-паше Янинскому. Несколько глав отводится описанию турецкого флота, военных действий соединенной эскадры.

Мы остановимся вкратце лишь на поездке к Али-паше Янинскому (Али Паша Тепеленский) — правителю части албанских, греческих земель, добившемуся почти полной независимости от турецкого султана. Характеризуя Али-пашу, Метакса пишет: «Али-паша управляет подвластными ему провинциями гораздо самодержавнее, нежели турецкий султан своей империей. Одна воля его есть закон, ничто не может оную переменить... он для достижения своей цели не останавливается ни нравственными уважениями, ни физическими препятствиями... Лишь бы выполнено было желание его: ответственности перед Богом, Султаном и людьми он не страшится. Обширные его поместья, большей частью похищенные у соседей, приносят ему великие доходы и как отдает он на откуп, приносят ему великие доходы; к сему надобно присовокупить многочисленное его скотоводство, таможи, поголовные подати, исключительные его права на продажу скота, шерсти, строевого леса и пр. ...Али-Паша присвоил себе все леса без изъятия, даже и партикулярные... Сверх всего имеет он множество купеческих кораблей, которые нагружаются в турецких портах всякими товарами на его счет... Али-паша продает все свои товары, за исключением путевых расходов купцам своим оптом из 20-процентного барыша. Значительные его капиталы обращаются во всех торгах и оборотах, чинимых его подданными. Сребролюбие его находит пищу всюду: он всеобщий наследник всех своих подданных... К Порте Оттоманской оказывается Али предан-

ным и покорным, когда находит в том свои выгоды, ежели же оных для себя не предвидит, то отчуждает себя вовсе от турецкого подданства»¹³³.

Описывая свое посещение дома, занимаемого Али-пашой в Превезе, Метакса пишет: «Нам представилось... зрелище, еще ужаснейшее прежнего: по сторонам большой лестницы дома сего постелены были пирамидально, наподобие ядер перед арсеналами, человеческие головы, служившие трофеями жестокому победителю злополучной Превезы...»¹³⁴.

Заслуживает упоминания политическая и дипломатическая деятельность адмирала Ф. Ф. Ушакова в бытность его командующим объединенной русско-турецкой эскадрой по освобождению Ионических островов, острова Корфу.

В письме от 18 декабря 1798 г. к В. С. Тамара Ушаков характеризует деятельность Али-паши Янинского: «...ежели я не ошибаюсь, предвижу непременно, что сим пашею произведено будет что-либо неприятное. Если возможно сказать истинную правду, мне кажется, что оный господин Али-паша весьма сумнителен в верности Порте Оттоманской. Повторяю, ежели я не ошибаюсь, что даже из собственных его слов, из всех поступков заметно, что старается он быть самовластным, и кажется сие близко. Он укрепляется сильно в своих местах, содержит войска свои и наводит страх другим пашам и местам»¹³⁵.

Вся дальнейшая деятельность Али-паши полностью подтвердила эту оценку. Тамара писал Ушакову: «Должны знать, что Али-паша есть один из своевольнейших пашей турецких, весьма мало повинующийся Порте...»¹³⁶.

Военный и административный талант Ушакова удачно дополнялся его замечательными дипломатическими способностями. Месяцами не получая указаний из Петербурга, он тем не менее с большим тактом и знанием дела решал сложные дипломатические задачи правильно¹³⁷.

После Кючук-Кайнарджийского договора Россия получила право назначать своих консулов в отдельные пункты Османской империи. Серьезным источником ознакомления с экономическим положением отдельных районов становятся консульские донесения.

В 1782 г. впервые было открыто консульство в Смирне. В инструкции на имя консула Хемницера от 22 марта 1782 г.,

¹³³ Там же, стр. 116, 118, 122.

¹³⁴ Там же, стр. 134.

¹³⁵ «Русские флотоводцы. Адмирал Ушаков», т. II, М., 1952, стр. 254.

¹³⁶ Там же, стр. 283.

¹³⁷ Там же, стр. XXII.

данной Государственной коллегией иностранных дел, было указано: «В околичностях г. Смирны бывают приезжие из Крыма султаны, почему Вам и надлежит непрестанно стеречь за их поведением и наблюдать все их сношения с отчиною своею и правительством турецким...»¹³⁸.

В первом же своем донесении в коммерц-коллегию от 20 октября 1782 г. Хемницер сообщает о числе находящихся в Смирне русских торговых судов (т. е. судов под русским флагом) с показанием, откуда они пришли, чем нагружены, куда отправлены... и описывает г. Смирну, «поелику оно до числа разных народов жителей и до торговли, производимой в нем каждою нациею особенно касается». Хемницер дает довольно обстоятельный обзор торговли смирнской с иностранными государствами, сообщает о населении города. В пояснительной записке коммерц-коллегии, касающейся пунктов, куда назначены консулы, читаем:

1. «Смирна... Место сие известной уже важности.

2. Синап. — Здесь консул нужен сколько по торговой, столько же и по статской части.

3. Архипелаг. Там есть уже назначенный генеральный консул, а именно подполковник граф Войнович... что принадлежит до места, где генеральному консулу иметь постоянное свое пребывание, она пока российская торговля сама собою предпочтительно не установится в том или другом, можно оставлять на согласный выбор резидующего при Порте министра и самого генерального консула.

4. Дарданеллы. — Тут вице-консул нужен для проходящих судов, дабы им в пути остановки и помешательства не было»¹³⁹.

В инструкции консулу Форсману в Синопе, выданной Коллегией иностранных дел 28 апреля 1784 г., имелись следующие указания: «Чтобы доставили вы сюда поскорее верное и точное описание всех тамошняго края подробностях, здешнее уважение одним или другим образом заслуживающих, также и о тамошней торговле, а особливо поколику она российскую интересовать может; также и о той, которая производится подданными других держав...

Чтоб во время служения вашего доносили вы сюда в коллегию от времени до времени... о всех тамошнего края примечательных происшествиях, новых внутренних учреждений и о успехах торговли российской...»¹⁴⁰.

¹³⁸ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, М., 1899, ч. II, Приложение 127, стр. LXXIII, DL XXIV.

¹³⁹ Там же, Приложение 129, стр. DL XXXIX.

¹⁴⁰ Там же, Приложение 133, стр. CIII.

Назначение генерального консула в архипелагских торговых пристанях подполковника графа Ивана Войновича (август 1776 г.) мотивировалось тем, что «для поспешествования и распространения заводимой из России в разные Бл. Порты Оттоманской морской пристани беспрепятственной торговли, которая по естественному положению взаимных земель и по свойству их продуктов долженствует скоро учиниться на обе стороны равно полезного и равно важного рассуждения за благо учредить и аккредитовать во всех архипелагских торговых пристанях генерал-консула»¹⁴¹.

В 1784 г. консулы были назначены в Александрию, в Албанию, в Саиду и на Кипр, Родос, Хиос, Самос (1784), в Дамаск, Бейрут (1785), в Трапезунд (1786).

Напомним, что в 1783 г. между Россией и Турцией был заключен торговый трактат, в силу которого Турция предоставила русским купцам те же самые льготы и преимущества, какими пользовались купцы французские, английские и др. Русским подданным Порты позволяла совершенно свободно «навигацию и торги свои отправлять во всех областях ея, как на сухом пути, так и на морях, водах и рекою Дунаем и везде, где будет удобно».

Торговый трактат 1783 г. был подтвержден Яским мирным договором 1791 г.

* * *

Бесспорно, что одним из результатов изучения русскими отдельных территорий Ближнего Востока являются и картографические работы XVIII в.¹⁴²

В Атласе, изданном в 1757 г. Академией наук, имеется карта «Турция азиатическая»; в 1769 г. была издана пограничная карта Российской и Турецкой империй, в 1774 г. — карта Молдавии и Валахии, составленная Я. Шмидтом по подлинным квартирмейстерским чертежам и по наблюдениям.

Печатаются карты «Азии меньшей, Сирии и Палестины»¹⁴³.

Помимо изданных, имелось и много рукописных карт, например Кавказа с пограничными частями Турции, Молдавии,

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Несомненно, конечно, что в России хорошо были известны работы европейских путешественников и исследователей Ближнего Востока в XVIII в. На вышедшую в Лионе в 1707 г. книгу Турнефора ссылается, например, уже Буксбаум. Книги Маронли, Рикота, Нибура, Вольнея и других были переведены на русский язык (см. ниже).

¹⁴³ См. В. Ф. Гнучева, *Географический департамент Академии наук*, М.—Л., 1946, Приложение I. Список картографических изданий Академии наук XVIII в. (1728—1800).

Валахии, специальные военные карты и планы, охватывающие территории, на которых происходили военные действия.

Первая русско-турецкая война дала возможность произвести ряд картографических работ в Молдавии и отчасти Валахии.

Еще в конце 1769 г. «граф Румянцев, желая воспользоваться тем, что передовые войска наши занимали Молдавию и часть Валахии, отправил в октябре м-це за Днестр генерал-квартирмейстер-лейтенанта Андрея Медера с семью чинами генерального штаба для сочинения карты. К сожалению, об этой командировке только и сохранилось известие в расходной тетради экстраординарных сумм графа Румянцева. Эти-то работы и послужили основанием составленной впоследствии, под руководством Баура, генеральной карты Молдавии, а в кампанию 1770 г. значительно облегчали действия наших войск, увенчанные блистательными победами под Ларгою и под Кагулом»¹⁴⁴.

Как уже упоминалось, в кампании 1770 г. в качестве оберквартирмейстера 1-й армии состоял в чине майора М. И. Голенищев-Кутузов. Тогда же был послан Румянцевым генерал Баур для осмотра дорог Молдавии.

«В 1771 году внимание Баура было занято составлением карты Молдавии: из 15 офицеров генерального штаба, состоявших в марте этого года при 1-й армии, 10 человек показаны при чертежной в Яссах».

Сведения о ближневосточных странах нашли свое отражение и в первых русских географических словарях. В словаре Лангера¹⁴⁵ мы встречаем названия различных пунктов Османской империи с указанием долготы и широты. В нем помещены статьи как об Османской империи в целом, так и об отдельных ее частях.

Приведем извлечения из статьи «Европейская Турция» для того, чтобы показать, насколько отчетливо представляли себе русские издатели географическое положение и политическое состояние Турции: «Европейская Турция занимает часть прежней восточной империи и окружается к востоку Черным, к югу Средиземным, к западу Адриатическим морем, а к северу граничит с Венгрией, Польшей и Россией. Поверхности полагают одиннадцать тысяч четыре ста квадратных, длины самым большим протяжением двести пятьде-

¹⁴⁴ Н. Глинноецкий, *История русского генерального штаба*, т. I, СПб., 1883, стр. 70.

¹⁴⁵ «Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света., собранный., Карлом Гейнрихом Лангером», М., 1791.

сят, а ширины сто девяноста обыкновенных миль. Всех жителей обоего пола считается около восьми миллионов. Число сие гораздо не столь велико, каковым бы оному в рассуждении обширности и естественного состояния земли быть следовало. Главнейшие причины тому суть великия опустошения, часто причиняемые моровою язвою, утеснение народа, задавляемого податями и работами и мало старающегося о земледелии, хлебопашестве. Повсюду множество опустелых мест, почему и плодоноснейшие уезды находятся необрабатываемы... Жители в Турции суть разного происхождения и закона... Имя турок у самых турков в поношении, потому что персияне и иные Адельтаты оным означают разбойника. Сами пишутся османлами...

В мануфактурах и заводах турки не имеют недостатка и делаются у них весьма хорошие ткани и другие вещи. Знают отменно готовить кожи и красить оные равно как шерсть и шелк. Кроме различного разбору шелковых материй и парчей, делают ковры, камлоты и сафьяны великой красоты, почему и внутренняя, так и внешняя с иностранцами весьма знатна... Главнейшие товары, отпускаемые из турецких земель, суть: шелк и шелковые материи, ковры, персидские ткани, тюфяки и подушки, хлопчатая бумага сырая и пряденая, зайцовы и кроликовы рухляди, пряденая шерсть ангорских коз, голубой, красный и желтый сафьян, вино, изюм (и т. д.)... Получаемые на обмен из разных европейских государств товары не такой пропорции, чтобы турки не выиграли еще великую сумму наличных денег»¹⁴⁶.

В статье приводятся данные о государственном управлении, финансах, составе армии и флота, административном делении.

* * *

Серьезное внимание во второй половине XVIII в. уделялось переводной литературе, особенно посвященной Ближнему Востоку. Издания переводов одно время (с 1769 по 1780) осуществлялись под надзором особой комиссии.

Отметим наиболее интересные работы: «Статьи из энциклопедии, принадлежащие до Турции (сочинения Дидро, Жакура и др.), переведенные в двух частях с французского Семеном Башиловым в 1769 г.».

1 января 1781 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщили о выходе в свет следующих переводных книг, относящих-

¹⁴⁶ «Полный географический лексикон...», ч. III, стр. 189—197.

ся к Ближнему Востоку: «Османское государство и Республика Рагузская» (из Бишинговой географии); «Малая Азия или Азия и Аравия» (из Бишинговой географии), «Турция», «Белевы путешествия через Россию». Там же сообщалось, что «отдано к тиснению» «История османского государства» Димитрия Кантемира¹⁴⁷.

Шотландец Джон Белль, поступивший на службу к Петру I в 1714 г., был участником ряда русских посольств за границу. Он сопровождал в качестве врача Артемия Волинского в 1715 г. в Персию; в 1719 г. сопутствовал посольству Измайлова в Пекин; в 1737 г. был поверенным агентом в Константинополе. По возвращении в Шотландию издал описание своих путешествий. В 1766 г. это описание было переведено на французский язык. В русском переводе (с французского) оно было издано в 1776 г. под названием «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли (а именно в Испань, в Пекин, в Дербент и Константинополь)» (пер. с франц. Михаил Попов).

Белль сообщает ряд сведений о Персии, Китае, Дагестане и Турции¹⁴⁸.

В 1789—1790 гг. на русском языке была опубликована в четырех частях «История турецкая» Миньо.

Особое место занимает перевод с немецкого, сделанный Марковым в 1790 г., книги Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет» — крупного для своего времени знатока Востока и восточных языков.

«Труды Вольнея по Востоку посвящены Турецкой империи и входящим в ее состав Сирии и Египту. Серьезная подготовка к этому путешествию, знание восточных языков дали возможность Вольнею собрать такие сведения, которыми никогда не обладал ни один путешественник по Турции, как до него, так и после него»¹⁴⁹.

«Вольней во всех своих работах по истории Востока выступает как исключительно талантливый, добросовестный и знающий исследователь. Знание восточных языков давало ему возможность непосредственно общаться со всеми классами турецкого общества. Вот почему его „Путешествие” не-

¹⁴⁷ «Записки императорской Академии наук», т. XXIV, СПб., 1870, Приложение.

¹⁴⁸ О Джоне Белле см. «Месяцослов» на 1842 г. в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук, стр. 189, 190.

¹⁴⁹ Н. Смирнов, *Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII века в трудах Вольнея*. — «Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского», т. II, М., 1940, стр. 166.

оценимый источник для изучения Сирии, Египта и вообще турецкого феодального строя»¹⁵⁰.

В январе 1788 г. Вольней получил в награду от Екатерины II золотую медаль за ученые труды по Востоку, но в 1791 г. вернул ее обратно в знак протеста против покровительства русской императрицы французским контрреволюционным эмигрантам¹⁵¹.

В 1795 г. вышел перевод первого тома книги Мураджа д'Оссона «О законоположении магометанства», сделанный Веревкиным. Мурадж д'Оссон — турецкий армянин по происхождению, перешедший на шведскую службу; в 1782—1784 гг. был поверенным в делах Швеции в Стамбуле, а позже шведским посланником. Он написал и опубликовал два тома «Tableau de l'Empire Ottomane» (1787—1790); третий том был издан посмертно.

В труде д'Оссона имеется ценный материал, характеризующий военно-административную и финансово-налоговую системы Османской империи и законоположения шариата. На русском языке она вышла под названием «Всеобщая картина Оттоманской империи» (перевод М. Веревкина).

И. Ю. Крачковский писал о Веревкине: «Из его собственных трудов перевода Корана (1790) и капитальной работы д'Оссона „О законоположении магометанства“ (1795) достаточно для благодарной памяти о нем»¹⁵². И далее читаем у И. Ю. Крачковского: «Заслуги переводчиков екатерининского времени в области арабистики и востоковедения вообще особенно велики, и едва ли не первое место среди них занимает упомянутый уже М. И. Веревкин... с немецкого переводили реже, но и в таких случаях попадались полезные даже теперь книги, как современная событиям „История о возмущении Али бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии, Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппо в Бальзору“»¹⁵³.

Оценивая значение переводов, Крачковский писал:

«...Во второй половине XVIII века, особенно в 90-х годах, круг арабистических интересов значительно расширился, увеличивалась и осведомленность хотя бы на основе попадавших не из первых рук второсортных материалов, однако внимание к первоисточникам не пробуждалось, и как следст-

¹⁵⁰ Там же, стр. 169.

¹⁵¹ Там же, стр. 165.

¹⁵² И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 57.

¹⁵³ Там же.

вие этого, отсутствовало непосредственное знакомство с арабским языком или научный интерес к лингвистическим вопросам»¹⁵⁴.

* * *

Достаточно беглый и, несомненно, далеко не полный обзор свидетельствует о том, что в России в течение XVIII века накопилось достаточное количество самых разнообразных и многосторонних сведений о Ближнем Востоке.

В этой связи мы не можем согласиться с В. В. Бартольд, утверждавшим, что «Русская литература о Передней Азии далеко не отличается тем богатством, как можно было бы ожидать по географическому положению России и по составу ее населения. Что на русском языке мало работ об Индии и Афганистане, отчасти объясняется скудостью материала, находящегося в распоряжении русских исследователей по сравнению с западно-европейскими, особенно с английскими; но бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки»¹⁵⁵.

Этот суровый отзыв В. В. Бартольда, так много сделавшего для русской востоковедной науки и истории русского востоковедения, высоко оценившего изучение Востока в России в XIX в., на наш взгляд, может быть объяснен тем, что некоторые материалы, нами привлеченные, в частности архивные, а также посольские, консульские донесения, остались ему неизвестны. А может быть, Бартольд не интересовался этой литературой, считая ее ненаучной.

Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что в XVIII в. изучение Ближнего Востока в России не дало (да и не могло дать) таких результатов, как изучение Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Тихоокеанского побережья Америки.

Среди исследователей Ближнего Востока нет таких имен, как Семен Дежнев, Владимир Атласов, А. И. Чириков, В. Беринг, С. П. Крашенинников и многих других. Мы не найдем здесь таких предприятий, как Великая северная экспедиция 1725—1742 гг. или экспедиция В. Я. Чичагова, принятая по инициативе М. В. Ломоносова, и многих других замечательных русских исследований и путешествий. Ведь на Ближнем Востоке в XVIII в. открывать в сущности уже было нечего. В. В. Бартольд, называя имена многих европей-

¹⁵⁴ Там же, стр. 59 и дальше по вопросу о «Сравнительном словаре всех языков и наречий», стр. 59—62.

¹⁵⁵ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, стр. 282.

ских путешественников по Ближнему Востоку в XVIII в. и вообще не упоминая ни одного русского имени, правильно отмечает: «Географических открытий в Передней Азии в XVIII в. не было, и все путешествия совершались в местности, уже посещавшиеся европейцами раньше; но эти путешествия не оставались бесплодными ни для изучения памятников прошлого, рукописных и вещественных, ни для изучения современной жизни»¹⁵⁶.

Это полностью относится и к работам русских путешественников, паломников, дипломатов, военных, ученых — они многое внесли в изучение современной им жизни. Многие забытые страницы и труды русских людей, усиленно отмеченные в нашей работе, являются лучшим тому доказательством.

¹⁵⁶ Там же, стр. 122.